

Детективы
о женщине-стихии

Ирина **ГРАДОВА**

Хоровод обреченных

Ты остановишь цунами

Врачебные секреты

Ирина Градова

Хоровод обреченных

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Хоровод обреченных / И. Градова — «Эксмо»,
2017 — (Врачебные секреты)

ISBN 978-5-699-96472-7

Эпидемия похожа на танец, на хоровод, который никому не позволит остаться только зрителем: в этой страшной пляске нет ведущих и ведомых, здесь каждый борется за себя и каждый умирает вместе со всеми. Но Агния Смольская не может спасти только себя и собственную семью. Как врач, борющийся со страшным вирусом, она рискует больше других, а как эксперт, консультирующий следствие, обязана знать, кто из ее коллег и пациентов получил доступ в лабораторию, где экспериментируют со смертью... Ранее книга издавалась под названием «Вакцина смерти»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96472-7

© Градова И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Градова

Хоровод обреченных

*Пандемия (от греч. *pan*demia «весь народ») – эпидемия, охватывающая значительную часть населения, страны, группы стран, континента.*

© Градова И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Дети в Доме выросли рано. Еще раньше они приходили к пониманию того, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Никто – ни директор, ни воспитатели или нянечки – не заинтересован в том, чтобы в этом помогать, а значит, нужно заботиться о себе самостоятельно. Обмануть, украсть, отнять кусок у более слабого не считалось преступлением – нечего щелкать клювом, когда вокруг полно желающих.

О «красивой жизни» дети знали не понаслышке: она порой навевалась и в их Дом в облике хорошо одетых мужчин и женщин, называемых мудреным словом «спонсоры». Спонсоры приносили в Дом игрушки, телевизоры и одежду. Облаченные в новенькие курточки и пальтишки, под мышкой с разноцветными зайчиками и мишками, дети прохаживались перед умиленными взглядами дарителей, улыбались и благодарили, как их учили воспитатели. К вечеру, с уходом гостей, самые большие и дорогие игрушки распределялись между работниками Дома, как и импортная одежда, а телевизоры перекочевывали в кабинеты директора, завуча, врача и на стойку охранника. Конечно, там ведь они нужнее, чем в игровой комнате, в конце концов, что дети понимают в телевидении? Правда, семейные воспитательницы и работники кухни, все же порой испытывая угрызения совести, приносили из дома поношенные детские вещи взамен подаренных новых. Так что, в сущности, жаловаться было не на что: голым и босым никто не оставался. Однако от того, насколько ты мил с теми, в чьих руках находится твоя жизнь, зависело и то, насколько хорошую вещь тебе отдадут с барского плеча.

Другим путем к «красивой жизни» являлось, конечно же, усыновление. На это могли реально рассчитывать процентов десять детей, а остальным оставалось лишь завидовать. Особой популярностью пользовались светловолосые и голубоглазые. Ребятишки черненькие, да еще и, не приведи господь, со смуглой кожей, редко становились желанными для потенциальных усыновителей. Именно им предстояло проторчать в казенном учреждении до совершеннолетия, даже не успев совершить ничего, за что приговаривают к столь длительному сроку.

У Саньки были очень светлые волосы, но слегка раскосые глаза цвета темного ореха ставили усыновителей в тупик. Внешность мальчика русской не назовешь, поэтому Саньку хоть частенько и рассматривали в качестве потенциального сына, но потом останавливались на детях, чьи черты лица не вызвали сомнений. Саня рано усвоил, что попадание в семью ему не грозит, а потому пользовался всякой возможностью для того, чтобы облегчить себе существование в Доме. Учился он отлично. Предметы парню давались легко, кроме того, они были единственным стоящим занятием, отвлекающим от скуки и невеселых мыслей о собственном будущем. Как правило, дети не интересуются столь фундаментальными вещами, живя днем сегодняшним, но Саня рано повзрослел. На его глазах старшие ребята покидали Дом и отправлялись восвояси. Через некоторое время он, подслушивая разговоры воспитателей, улавливал слова «сгинул», «пропал», «не оправдал ожиданий». Для него это означало только одно: за пределами Дома, похоже, жизни нет – все, кто выходит за дверь, исчезают навсегда. Дорога для детей из Дома обычно лежала в ремесленное училище. Там их обучали малярно-штукатурному делу, укладке кафеля и монтажным работам. Учиться дети из Дома не любили. Всю жизнь их худо-бедно обеспечивало государство: оно давало хлеб, позволяло прослушать школьную программу, лечило и воспитывало по мере скромных возможностей. Оказавшись «на воле», с тремястами тысячами на книжке и комнатой в коммуналке или квартирой на два, а то и три человека, ребята «отрывались» по полной, прогуливая занятия. Первым делом они покупали себе всякой ерунды – от смартфонов до гигантских телевизоров, шатались по ночным клубам и дискотекам, пили пиво – короче говоря, занимались всем тем, что не дозволялось в Доме. А потом они вдруг с удивлением обнаруживали, что деньги закончились. Примерно пятерым из ста выпускников Дома удавалось устроиться на работу и наладить свою жизнь. Остальные

попадали в колонии и тюрьмы, теряли жилье и оказывались на улице, спивались, нищенствовали и в конечном итоге навсегда исчезали из поля зрения работников Дома. Их никто не искал.

Уже в семь лет Саня знал, что не хочет в ремесленное училище. Он наблюдал за окружающими, словно все они являлись диковинными животными, чье поведение невозможно предсказать или объяснить, а потому интересно анализировать. Он уже не волновался во время визитов возможных усыновителей, однако был не прочь подсобить приятелям. Именно Саня изобрел практически беспроеигрышный вариант «пристроиться». Для этого приходилось подкарауливать понравившуюся пару и, вынырнув из укрытия, броситься к ним и назвать приходящих тетя и дядя «мамой» и «папой» – обычно этот прием срабатывал «на ура». Глаза гостей вмиг наполнялись слезами, и они так и норовили схватить находчивого ребенка и сжать его в объятиях. Таким образом, усыновление становилось лишь делом времени. В награду за услуги Саня принимал все – от еды и конфет до книжки, перепавшей от спонсоров. Книжки пользовались его особым уважением. Саня рано понял, что из них можно узнать гораздо больше, чем от воспитателей и преподавателей, которым недосуг заниматься развитием детей. Воспитатели считали Саню странным ребенком, но не могли не признавать его одаренности. Другие дети поначалу пытались задирать мальчишку, но Саня быстро показал зубы: он не отличался особой силой, но в нем было море злости, готовой выплеснуться наружу при первой возможности. Кроме того, он не боялся боли и мог драться до тех пор, пока противник не поймет всю тщетность своих попыток заставить Саню признать поражение. Ему понадобилась всего парочка серьезных стычек со сверстниками, чтобы утвердить свое место в иерархии жителей Дома: лидером он не стал, зато его оставили в покое и по крайней мере относились с уважением, считая, что такого «психа» лучше лишний раз не трогать.

Единственным человеком, к которому Саня испытывал привязанность, стала нянечка. Ей уже перевалило за восемьдесят, и все в Доме называли ее «баба Маруся». Саня почему-то приглянулся ей с первого взгляда.

– И что им надо, этим горе-родителям? – бывало, вопрошала баба Маруся, ероша густые волосы на затылке Сани (такую фамильярность он позволял только ей, любой другой схлопотал бы в лучшем случае злобный взгляд, а то и вполне ощутимый удар). – Такой красивый ребенок... И какая же мать могла так с тобой поступить, а?

Он никогда не думал о своей матери. Вернее, старался не думать, но мысли так и лезли непроизвольно, особенно по ночам, когда голова свободна от решения насущных проблем. Саня не то чтобы мечтал познакомиться с женщиной, бросившей его, но ему хотелось бы знать, кто она, как выглядит и почему не оставила его в роддоме, а выбросила на помойку, прямо в Новый год, когда все население страны веселилось и праздновало. Однако гораздо больше он хотел бы встретиться с другой женщиной – той, что нашла грудничка, окоченевшего до такой степени, что он не мог даже плакать.

Они с бабой Марусей много разговаривали – обо всем на свете и ни о чем. Старушка была не особо образованной, зато у нее имелись огромный жизненный опыт и нерастраченные нежность и доброта.

– Нет у меня внуков, поди ж ты! – сокрушалась она в минуты откровенности, сидя рядом с Саней на лавочке в парке при Доме.

– А возьми меня к себе, баба Маруся! – сказал как-то Саня. На самом деле он вовсе на это не рассчитывал, но нянечка, кажется, восприняла его реплику серьезно.

– Да кто ж мне тебя отдаст – старухе из коммуналки с двумя инфарктами? – развела она руками.

– А что такое инфаркт, баба Маруся?

Очень скоро Саня узнал ответ на этот вопрос – баба Маруся умерла. Умерла прямо на его глазах, неожиданно повалившись на пол, все еще держа в руках мокрую тряпку, которую как

раз собиралась намотать на швабру. Местный доктор, за которым Саня немедленно бросился в медкабинет, пощупал пульс бабы Маруси и, тяжело поднявшись с колен, вздохнул:

– Инфаркт!

Саня не плакал – просто не знал, как это делается, но почему-то старшая воспитательница положила руки ему на плечи и тихо сказала:

– Она была старенькая, Саша... Очень старенькая!

Но Саня точно знал: это он виноват в смерти бабы Маруси. Если бы он знал, что делать в таких случаях, она бы еще пожила, а он не остался бы совсем один.

* * *

Луисвилль, штат Кентукки

Николас уже в десятый раз проверял, хорошо ли заперта дверь, и еще плотнее задерживал занавески на окнах, словно боясь, что каждый луч света, проникающий в комнату, может оказаться смертоносным – таким же смертоносным, как и содержимое обитого тонколистовой сталью пластикового чемоданчика, сейчас безопасно лежащего на кровати. Николас работал с содержимым чемоданчика несколько лет и, казалось бы, знал его вдоль и поперек, но теперь он вынужден был признаться, хотя бы самому себе, что боится. Боится, словно то, что спрятано внутри, может неожиданно вскрыть замок и выбраться наружу. От одной мысли об этом его затошнило. Тогда зачем он здесь – разве не затем, чтобы осуществить чью-то ненормальную мечту? Нет, нет, конечно же, нет! Он здесь лишь затем, чтобы получить деньги – те, что положены ему за многолетние труды. Именно он, Николас, заслужил вознаграждение, как никто другой, – настоящее вознаграждение, а не те крохи, которые ему платят. И он получит, что причитается, и наконец сможет позволить себе все то, о чем так долго мечтал. Ради этого он работал, жертвовал личной жизнью и свободным временем.

Осторожный стук прервал его размышления. Николас нервно бросил взгляд на часы: еще слишком рано для появления посредника!

– Кто там? – опасливо поинтересовался он, приближаясь к двери.

– Уборка номеров! – раздался бодрый женский голос. – Можно у вас прибраться?

– В такое время? – удивился Николас. Действительно, чего это горничной вздумалось припереться в девятом часу вечера?

– Сэр, у нас проблемы с персоналом! – снова заговорила горничная. – Нас всего двое, еле успеваем хоть что-то делать. Так вы впустите меня или я пойду дальше? Только учтите, что до завтрашнего вечера к вам никто не придет...

Николас окинул мрачным взглядом бедненькую обстановку номера. Вот уже несколько дней он безвылазно сидит здесь, боясь высунуть нос на улицу – возможно, его уже ищут! Поло-тенца и белье не меняли трое суток, туалетная бумага заканчивалась, а за окном стояла удуша-ющая жара. Пыль, собравшаяся по углам, заставляла Николаса чихать – у него была аллергия, и еще один день без уборки вполне мог вызвать приступ астмы.

– Ладно, – вздохнул он. – Заходите, только быстро!

Скрип старой двери и тихий звук выстрела слились воедино. Последним, что увидел Николас перед смертью, было милое женское личико, обрамленное рыжими кудряшками.

* * *

Украина. Город на Днепре

– Просто невероятно! – уже, наверное, в сто первый раз воскликнул Никанор Ивано-вич Старостин, благоговейно рассматривая старинный, покрытый слоем глины и застарелой копоты золотой сосуд с удлиненным горлышком. На его лице читалось восхищение удивитель-

ным искусством людей, чьи кости сгнили сотни лет назад. Студенты окружили Старостина, ловя каждое его слово. Он был для них не только преподавателем, он являлся богом, который нес свет знаний. Профессор рассказывал им о скифских курганах, они избороздили раскопами берега реки – одному создателю известно, чего ему стоило каждый раз добиться разрешения на экспедицию! И вот наконец они нашли ЭТО.

– Старик Геродот был прав! – продолжал Старостин, не замечая взглядов студентов, устремленных на него. – Кладбище скифских царей, по Геродоту, находилось в местности Геррос, в районе днепровских порогов, как раз под Никоподем.

– То есть – здесь! – пискнула Розочка Конева. Все знали, что она насмерть влюблена в Старостина – впрочем, как и половина женской составляющей группы. Старостин являлся именно таким человеком, которому женщины не находят возможным противостоять: привлекательным, увлеченным, даже, пожалуй, одержимым.

– Это, друзья мои, не просто могила, – продолжал вещать Старостин. – Это могила царя!

– Несомненно! – поддержал преподавателя Арсений Зайцев. Он относился к типу «ботаников», в отличие от профессора, и вряд ли выделялся хоть чем-то, кроме исключительной работоспособности. – Судя по количеству скелетов, что мы нашли...

– Да-да, – закивал Старостин: после трех лет совместной работы он научился понимать своих студентов без слов. – Вместе с царем обычно хоронили одну из его жен, виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, коней, скот и зарывали золотые сосуды, оружие и амуницию. Если мы правы, то этот курган относится к периоду наибольшего экономического и политического могущества скифов, то есть к... третьему веку до нашей эры.

– Уверена, что наша находка не хуже, чем Гайманова могила¹!

– Нужно расставить здесь охрану, – словно разговаривая сам с собой, пробормотал Старостин. – Все это золото...

Погребальное сооружение, обнаруженное археологической экспедицией, состояло из глубокого колодца, служившего входом, и коридора с подземными нишами – камерами для покойников. Находящиеся там массивные золотые гривны, шейные обручи, бусы, золотые серьги и браслеты и в самом деле представляли собой огромную ценность, как и обшитые золотыми бляшками одежда, головной убор и погребальные покровы.

– А где Люда? – вдруг поинтересовался Старостин, вертя головой. Люда Самолова, самая красивая девушка в группе, да и на всем археологическом факультете, была личностью яркой, и профессор наконец заметил ее отсутствие – к страшной досаде Розочки.

– Она приболела, – ответила Марина, дружившая с Людмилой и делившая с ней одну палатку. – Наверное, простыла.

– Что ж, очень жаль: она одной из первых вошла в курган, но тогда там почти не на что было смотреть, а теперь... Ладно, давайте работать: время не ждет!

* * *

С тех пор как я вернулась из длительной командировки на борту корабля-госпитали под названием «Панацея»², у нас с Шиловым как будто начался второй медовый месяц. Кстати, первый так и не состоялся. Мы оба работали, он – заведующим отделением ортопедии и травматологии, я – анестезиологом в той же больнице, и не смогли уйти в отпуск одновременно. Я чувствовала себя виноватой перед мужем. Во-первых, я оставила его одного почти на три месяца. Конечно, Шилов у меня мужик самостоятельный и прекрасно может себя обслужи-

¹ Гайманова могила – скифский царский курган IV века до н. э. у села Балки Васильевского района Запорожской области Украины.

² Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Танцующая в океане».

вать, но семейная жизнь, что ни говори, есть семейная жизнь, а я оказалась вырванной из нее на долгий срок. Но терзало меня вовсе не это, а то, чего я ни за что и никогда не могла рассказать Олегу. Находясь на борту «Панацеи», среди незнакомых людей, во время серьезного политического конфликта на Африканском континенте, я чувствовала себя настолько одинокой и незащищенной, что имела неосторожность изменить мужу. Это я-то, верная жена, примерная мать! Ни я, ни тот мужчина не придавали значения минутной слабости, однако чем дальше, тем больше беспокойная совесть грызла меня изнутри, лишая покоя и сна. Ночами, лежа рядом со спящим Шиловым, я ворочалась, стараясь не потревожить его, и размышляла. Мама просто не поняла бы меня, и даже лучшая подруга Лариска наверняка осудила бы мой опрометчивый поступок. Может, я вообще не создана для семейной жизни? Восемнадцать лет я прожила замужем за Славкой, первым благоверным, который бросил меня, повесив собственный огромный долг, и скрылся в неизвестном направлении почти на два года. Как раз тогда на горизонте «нарисовался» Шилов, идеальный мужчина из девичьих грез. Непьющий, некурящий умница, слушающий индийские раги и занимающийся йогой, он пленил меня тем, что рядом с ним я могла перестать корчить из себя «сильную женщину» и стать просто женщиной, слабой и капризной. Тем не менее я не могу не думать о том, что порой жалею об утраченной свободе. Может, все дело в чувстве вины: я ощущаю его тем сильнее, чем более понимающе ведет себя мой муж?

– И чего это мы такие серьезные? – спросил он.

В это время мы сидели на кухне. Олег пил свой зеленый чай, а я замешивала тесто для сырников: к обеду ожидали сынулю с девушкой.

– Я? Да так, ерунда...

– Ну, тогда предлагаю тебе подумать вот над чем: мне предложили другое место.

– Что?

– Может, ты слышала о сети клиник «Авиценна»?

Разумеется, я не могла не слышать об одной из самых престижных и дорогих медицинских сетей последнего десятилетия!

– Они же в Москве, так? – уточнила я.

– И в Москве, и в Екатеринбурге, и в Нижнем Новгороде. Ими владеет один мой институтский приятель, и сейчас он открывает филиал в Питере.

– И он хочет, чтобы ты работал у него заведующим отделением?

– Нет, Агния, он хочет, чтобы я возглавил клинику!

Я уставилась на него, распахнув глаза.

– Всю клинику?

– Да нет, три четверти! – рассмеялся Олег. – Разумеется, всю клинику, но я не могу принять такое решение один. Короче говоря, мне нужен твой совет, жена: мы идем на повышение или как?

Честно, я не знала, что и сказать. Мы с мужем работаем в одной больнице, и я уже привыкла к тому, что мы ходим туда вместе и возвращаемся тоже вместе, если его не задерживают административные дела. С другой стороны, на работе мы сталкиваемся редко, лишь в тех случаях, когда проводим совместные операции, а поэтому не устаем друг от друга. Тезис «приду домой – там ты сидишь», таким образом, к нам вряд ли применим. Меня устраивает такой расклад, но целая клиника в распоряжении Шилова – это просто подарок судьбы, и мы оба понимали, что такой шанс предоставляется только раз в жизни.

– Тебе придется уйти из больницы? – пробормотала я.

– К сожалению, совмещать не получится, – кивнул Олег. – Я могу проконсультировать там, скажем, раз в неделю или два раза в месяц, но на этом с государственным сектором будет покончено!

Зарплата врача в нашей стране до смешного мала. Получив ее на руки, среднестатистический медик с горечью размышляет над тем, что делать с такой «кучей» денег – заплатить за квартиру и купить хлеба с молоком или пропить к чертовой матери за один раз? Конечно, можно работать в две смены, нахватать ночных дежурств и еще подрабатывать, ставя капельницы и уколы соседям и друзьям друзей, но в этом случае жизнь проходит мимо, а ты все равно не наживешь хотя бы мало-мальски приличного состояния, чтобы достойно встретить старость. Разумеется, оперирующий хирург, такой как Шилов, получает больше многих, однако сумма все равно не слишком значительная, а поборов с пациентов он не берет. Сейчас почти все операции осуществляются по квотам, предоставляемым Комитетом по здравоохранению или Фондом социального страхования. В эту квоту входит, помимо всего прочего, и заработная плата, соответственно, чем больше врач оперирует, тем, казалось бы, больше и должен получать. И все же дело обстоит не совсем так. Словно услышав мои мысли, Шилов, судя по всему, огорченный моим долгим молчанием, сказал:

– Понимаешь, я устал. Устал бороться с системой, выбивать премии для молодых специалистов, которым жить не на что, устал «осваивать» за месяц квоты, рассчитанные на год, и получать по шее от начальства из Комитета за то, что «опять не получилось»!

Я прекрасно понимала, что он имеет в виду. Квоты придерживают до самого последнего, почти критического момента, а потом, под конец квартала, «выбрасывают» их, как в советские времена дефицит на прилавки пустых магазинов. Вполне вероятно, банки крутят деньги, предназначенные для больных, получая высокие проценты. Это объяснило бы ситуацию с квотами.

– Мои хирурги целыми днями сидят в Интернете или играют в игрушки на компьютере, потому что работы нет, – продолжал Олег. – А между тем очередь на замену тазобедренного и коленного суставов исчисляется тысячами! Ты же помнишь, как было в прошлом году, когда к нам в больницу опять «сбросили» сто пятьдесят квот – шестнадцатого декабря, ни раньше ни позже! Мы отказывали всем пациентам, которые звонили в надежде на операцию, так как уже не ждали ничего перед Новым годом, а тут – такой «золотой дождь»!

Как я могла забыть? Тем не менее я волновалась, не навел ли Шилова на эту мысль тот факт, что в последнее время я зарабатываю гораздо больше его? Признаюсь честно, я скрыла от него свой заработок за время нахождения на борту «Панацеи», в противном случае, боюсь, мужа хватил бы удар! Но он, несомненно, догадывался, иначе не завел бы сейчас этот разговор.

– Ты молчишь?

Я и не заметила, что прошло довольно много времени с того момента, как я в последний раз открыла рот.

– А что ты хочешь, чтобы я сказала?

– Ну, что ты одобряешь мое намерение – или не одобряешь...

– Мне кажется, Шилов, что все уже решено. И когда же ты планируешь написать заявление об уходе?

Взгляд Олега, немного виноватый и в то же время вызывающий, подтвердил мое предположение.

– Не хотел этого делать, не посоветовавшись с тобой.

– Я приму любое твоё решение, Шилов, потому что ты – большой мальчик. Несомненно, это огромная возможность, и упускать ее было бы сущей глупостью, но...

– Но – что?

– Просто подумай еще раз, действительно ли тебе этого хочется.

Отвернувшись к плите, я принялась выкладывать на подогретую сковородку творожную массу. Телевизор ожил: Олег нажал на кнопку дистанционного управления и прибавил звук, который до этого отключал, чтобы мы могли поговорить.

– ...потрясен неожиданной новостью, – услышала я. – Известный в городе врач и ученый, профессор Кармин, сегодня утром был найден мертвым на железнодорожных путях в районе станции Сиверская Лужского направления...

– Они сказали – Кармин?

На руку капнуло горячее масло – я слишком сильно взмахнула ложкой и, взвизгнув, сунула ладонь под холодную воду. Олег вскочил и кинулся к холодильнику за пантенолом.

– Да ничего... – пробормотала я, высовывая руку из-под сильной струи воды и рассматривая, насколько сильно повреждена кожа.

– Все равно надо смазать! – возразил Шилов и, преодолевая мое незначительное сопротивление, быстрыми движениями длинных пальцев наложил мазь. – Как это ты умудрилась, Агния?

– Кармин, Кармин... Боже мой, неужели это о нем говорили в новостях?

– Можешь толком объяснить, чего ты так «подорвалась»? – озабоченно поинтересовался муж.

– Профессор Кармин преподавал у нас в меде аспект «Микробиология с иммунологией и вирусологией» на втором и третьем курсах!

– Ну чего ты раньше времени паникуешь? Мало ли в России Карминых?

– Профессоров Карминых!

– А если и профессоров – они же не сказали, что он вирусолог?

– Вроде нет...

– Вот и успокойся! – заключил Шилов, занимая мое место у плиты. – Скоро ребята придут, а ничего еще не готово!

* * *

Раньше я частенько бывала в доме профессора Кармина. Помню, что даже собиралась выбрать вирусологию в качестве специализации – исключительно благодаря впечатлению, произведенному на меня преподавателем. Отговорили родители: им претила мысль о том, что дочери придется мотаться по богом забытым местам, охваченным вспышками холеры и менингита, с риском когда-нибудь самой подхватить смертельный вирус и умереть среди грязи и антисанитарии! Профессор Кармин, вне всякого сомнения, являлся выдающейся личностью, поэтому я просто не могла не подпасть под его обаяние. Сидя на диване в гостиной его коттеджа и разглядывая скромную, но уютную обстановку, я вспоминала годы нашего общения и приходила к выводу, что должна была более регулярно поддерживать с ним отношения – такие замечательные люди редко попадают на пути.

– Кофе, душенька! – объявила Маргарита Борисовна, вкатывая в комнату стеклянный столик на колесах. Обращение «душенька» вызвало во мне прилив ностальгии по тем временам, когда я была на двадцать лет моложе, – больше никто не обращался ко мне, используя это вышедшее из употребления «интеллигентское» слово.

Маргарите Карминой было за шестьдесят, но она сохранила горделивую осанку и «несла» себя с достоинством, как любит говаривать моя матушка. Если бы не женский пол, я могла бы поклясться, что она не только служила в армии, но и рангом была не ниже полковника, а то и генерала! Маргарита и Яков Кармины представляли собой странную пару. Брат и сестра, живущие вместе, оба одинокие, похожие, словно близнецы, хотя Маргарита Борисовна родилась на восемь лет раньше и заменила Якову Борисовичу рано умерших родителей. Мы все подозревали, что одиночеству брата в немалой степени поспособствовала именно она, так как ни одна девушка не оказывалась достойна Яшеньки, а сам Яшенька ценил мнение сестры превыше всего – даже превыше собственного личного счастья. Маргарита Борисовна являлась не только его сестрой, но и лучшим другом, секретарем-референтом и редактором его многочис-

ленных книг. Она бесстрашно моталась с ним по экспедициям и, несмотря на явный деспотизм и узурпаторство по отношению к любимому брату, смогла стать незаменимой для него и добиться уважения окружающих своим самоотречением. Честно сказать, я ожидала застать ее заплаканной и пьющей валерьянку, но ошиблась: Маргарита Борисовна выглядела постаревшей, но не сломленной.

– Вы, наверное, деточка, считаете меня бессердечной? – произнесла между тем она, словно прочтя мои мысли. Прежде чем я смогла возразить, она продолжила: – У меня, видите ли, слишком много дел, чтобы найти время горевать! Яша оставил несколько незавершенных трудов, и я намерена сделать все возможное для их посмертной публикации. Кроме того, есть моральный долг перед его аспирантами и студентами, которым понадобится помощь в написании дипломов и диссертаций, ведь научный руководитель оставил их, хоть и не по своей воле, но они же не виноваты... В общем, только вечерами, когда работа окончена, я ощущаю, как мне не хватает брата!

Сама слишком эмоциональная, я ценю в людях сдержанность и умение владеть собой. У некоторых людей чувства лежат на поверхности и легко вырываются наружу. У других они запрятаны очень глубоко, и требуется немало времени и сил, чтобы заставить их ярко проявиться.

– Меня потрясло известие о гибели Якова Борисовича, – пробормотала я. После того как гроб с останками профессора опустили в могилу, Маргарита Борисовна не отходила от меня ни на шаг. Накануне она лично обзвонила около трехсот человек, и почти все они пришли на церемонию погребения. Однако почему-то Кармина избрала меня в качестве «задушевного друга», несмотря на то что в толпе провожающих ее брата в последний путь находились люди гораздо более близкие. Кармины жили по еврейским традициям, хотя и не являлись ортодоксальными евреями. По этой причине поминок не устраивали, но Маргарита Борисовна объяснила мне, что сразу после похорон начинается шива – семь дней траура. Тем, кто соблюдает шиву, приносят еду, полностью освобождая человека от приготовления пищи. С тех пор как мы вернулись с кладбища, в дверь то и дело звонили, и Маргарита Борисовна проносила на кухню кастрюльки и подносы со всевозможной снедью, частью которой потчевала и меня.

– Спасибо, что нашли время прийти, – ответила Маргарита Борисовна, разливая кофе из фарфорового кофейника по чашкам. – Яше бы это понравилось.

– Как же так вышло? В смысле, как Яков Борисович оказался на путях?

– Спросите лучше, как его вообще занесло в то место! Яше просто нечего было делать в этой Сиверской!

– Может, ему назначили там встречу?

Кармина резко поднялась. Я подумала, что невольно обидела ее чем-то, но она подошла к старинному комоду и, выдвинув верхний ящик, извлекла оттуда огромный, похожий на Тору ежедневник в синем кожаном переплете.

– Вот, – сказала она, раскрывая его примерно посередине. – Всем Яшиным встречам я лично вела строгий учет. Если бы он собирался в Сиверскую, это отразилось бы здесь.

Она продемонстрировала мне совершенно пустой лист на то число, когда погиб ее брат.

– А почему совсем нет записей? – полюбопытствовала я.

– Он должен был находиться в краткосрочной командировке в Москве, – ответила Маргарита Борисовна. – Я звонила ему на мобильный, и он сообщил, что добрался... – В уголках ее темных глаз предательски сверкнула слезинка, так и не рискнувшая сорваться с ресниц и упасть на безупречно накрахмаленную блузку.

– То есть вы хотите сказать, что Яков Борисович вместо того, чтобы находиться в Москве, был совершенно в другом месте и не сообщил вам об этом? – уточнила я.

– То-то и оно, – подтвердила Кармина. – Понимаете, деточка, такого раньше не случилось! Нет, я, конечно, никогда не вмешивалась в дела Яши – он взрослый человек и вполне

мог принимать собственные решения, но он не отличался эксцентричностью и был абсолютно предсказуем, а уж сказать мне неправду... Прямо ума не приложу, что на него нашло!

Я тоже с трудом представляла себе, что могло заставить обычно пунктуального и болезненно обязательного профессора изменить планы, никого не предупредив. А что, если дело в женщине? Все знали, что Маргарита Борисовна слишком ревностно относилась к своему брату и пресекала любые поползновения возможных претенденток на роль жены. Не мог ли он вести двойную жизнь – очень аккуратно, чтобы не тревожить покой Маргариты Борисовны?

– А следовательно, ведущий дело, заинтересовался этим фактом? – спросила я вслух. – Ну, тем, что Яков Борисович непонятно зачем оказался в Сиверской?

Кармина покачала головой.

– Дело ведет какой-то местный, не питерский, по фамилии Лавров, – ответила она. – Ему ни к чему глубоко копать, и он сразу дал мне понять, что Яша, скорее всего, покончил с собой или неосторожно переходил рельсы. Естественно, я с возмущением опровергла первое предположение, но второе кажется мне довольно правдоподобным: если Яша был чем-то увлечен и задумчив, он не заметил бы приближающегося поезда – да что там, он и ядерного взрыва бы не заметил!

– Значит, вы не считаете, что кто-то мог... поспособствовать гибели вашего брата? – задала я осторожный вопрос.

– Поспособствовать? Вы имеете в виду – убить Яшу? Да нет, что вы, у него же не было врагов!

В этом я сомневалась. Не существует ни единого известного человека, у которого не нашлось бы ни одного врага. Всегда есть завистники, мечтающие «подсидеть», опорочить, но тут речь о возможности убийства, а для этого, что ни говори, необходима веская причина. Имел ли Кармин врагов, способных на крайние меры, или я, как обычно, ищу преступление там, где его нет, просто в силу того, что долгое время работала в Отделе медицинских расследований? Я уже собиралась сворачивать беседу, как вдруг Маргарита Борисовна неуверенно сказала:

– А знаете, Агния, я тут подумала...

Я насторожилась:

– Что такое?

– Яша в последнее время вел себя не совсем обычно. Мне казалось, его что-то беспокоит, но он отговаривался усталостью и занятостью. Но примерно неделю назад он вдруг заговорил об отпуске, представляете?

Нормальный человек вполне может себе такое представить, но вот Кармин, которого я знала, предпочитал интересную работу любому отдыху, поэтому заявление его сестры и в самом деле произвело на меня впечатление.

– Причем он решил куда-нибудь съездить: в Рим, Барселону или Париж! – качая головой, продолжала Кармина. – Яша даже начал фантазировать о том, что, возможно, нам следует купить домик в Болгарии... Какой домик, Агния, ведь мы все никак не могли закончить ремонт в коттедже!

– Разве Яков Борисович испытывал финансовые затруднения?

– Да нет, но жили мы всегда скромно, без излишеств. Однако знаете, что самое странное? Мне показалось, что Яша говорил серьезно о приобретении собственности за границей, и это здорово сбilo меня с толку! Я вела все его счета, учитывала каждую копейку и просто ума не приложу, откуда у него возникли эти фантазии...

– Вы наверняка в курсе, над чем работал ваш брат? – спросила я.

– В основном он занимался студентами и аспирантами. Годы уже были не те, и ездить по бесконечным экспедициям Яша себе позволить не мог. Навалились старческие болячки – сердечко пошаливало, гипертония... Ну и, конечно же, большую часть времени занимала основная работа в Институте Пастера. Ничего сверхъестественного – все как обычно!

Заметив, что моя чашка пуста, Кармина поднялась и вновь наполнила ее из кофейника. Создавалось впечатление, что она до сих пор не до конца осознает гибель брата и ведет себя так, словно он вот-вот может войти в дверь и тоже попросить налить ему кофе.

* * *

Идя в понедельник на работу, я все думала о той встрече – попеременно с мыслями о сообщении Шилова насчет возможности принять в свое ведение клинику. Он больше не заговаривал об этом, но я понимала, что разговор рано или поздно возобновится. На самом деле я считаю, что Олег достоин гораздо большего, чем должность заведующего отделением в обычной городской больнице, но мысль о том, что он станет работать в другом месте, меня смущала. В последнее время я много думала о нас – о том, не поторопилась ли выскочить замуж, едва разведясь со Славкой. Меня так воспитали: женщина должна быть либо замужем, либо одинока – третьего не дано. Сама удивляюсь, насколько старомодны мои взгляды, и лишь в последние несколько лет у меня стали понемногу открываться глаза. Не знаю, хорошо это или плохо, но я точно знаю одно: ни за что на свете мне не хотелось бы потерять Шилова. Наши тела подходят друг другу, наши губы потрясающе сочетаются, когда доходит до поцелуя, словно две половинки одного целого соединяются на несколько чудесных, великолепных, незабываемых мгновений. Наши руки, соприкасаясь, словно испускают электрические импульсы. Возможно, все это звучит патетично, но так уж я чувствую. Наверное, мне стоило выказать больше восторга, когда Олег поделился со мной своими планами. Он надеялся, что я обрадуюсь и поздравлю его, а я начала размышлять о том, что это изменит в нашей жизни. Нет, воистину я черствая женщина! Пора что-то с этим делать, иначе мы можем непоправимо отдалиться друг от друга.

Справа от входа в больницу, в предбаннике, собралась целая толпа, состоящая в основном из стариков и старушек. Они копошились, раскладывая какие-то бумажки и возбужденно переговариваясь.

– Что происходит? – поинтересовалась я у охранника.

– Да вы что, Агния Кирилловна, – диспансеризация же началась!

– А-а... Но что-то людей многовато?

– Решили объединить плановый осмотр и вакцинацию от гриппа. Вы, кстати, привились?

Я только улыбнулась и двинулась к раздевалке сквозь толпу. На дворе март, и вторая волна гриппа наступает, однако я с большим сомнением отношусь к прививкам от этой болезни. Вирус мутирует практически каждый год, поэтому вакцина устаревает быстрее, чем ее вводят пациентам. Вот уже несколько лет мне удавалось благополучно избегать вакцинации, и я все гадала, как долго продлится мое везение. Едва войдя в отделение, я столкнулась с Охлопковой.

– Зайдите ко мне, Агния Кирилловна! – бросила она на ходу, направляясь к палате интенсивной терапии. – Как освободитесь, разумеется.

Черт, не иначе, речь пойдет о прививке! Освобожусь я не скоро, а потому можно потянуть время и не торопиться: если действительно нужно, начальство само тебя отыщет. Сегодня у меня четыре операции – три подряд на гастроэнтерологии и одна с Шиловым, на ортопедии.

Перед тем как спуститься в операционную, я решила зайти к пациентке, запланированной на завтрашний день. Женщина лежала на офтальмологии, и ей предстояла операция по восстановлению хрусталика. Палата оказалась переполнена – в это время года, не знаю, по какой причине, так всегда, словно народ одновременно заболевает разными болезнями и наводняет медицинские учреждения, хотя, к примеру, поздней весной и ранней осенью места всегда есть. Задав все необходимые вопросы, я вышла и, идя по коридору, обратила внимание на немолодую женщину в белой футболке и синих тренировочных штанах, традиционно растянутых на коленках, пошитых, очевидно, еще во времена советской власти. Она разговаривала с кем-то

по телефону – вернее, стояла, прижав трубку к груди. Лицо у нее было странно розовым, и она, казалось, с трудом держится на ногах. Дежурная сестра за стойкой щебетала с кем-то по мобильнику и не обращала на пациентку ни малейшего внимания.

– Вам плохо? – поинтересовалась я. Она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами и, внезапно выронив трубку, начала оседать на пол. Я не успела ее подхватить, однако умудрилась подложить ладонь женщине под голову, так что она не стукнулась затылком о покрытый потертым линолеумом пол. Медсестра продолжала болтать, не видя и не слыша ничего вокруг, зато парочка пациенток, гулявших по коридору и заметивших происходящее, поспешили в нашу сторону. Возмущенная, я разогнулась и, выхватив трубку, прошипела:

– Вы что, ослепли, мадам?

– А что такое? – обиженно спросила она, округлившимися глазами глядя на распростертое у стойки тело.

– Это я у вас должна спросить, что такое! Это же ваша пациентка, верно?

– Ну да...

До сестрички наконец дошло, что случилось, и она, выскочив из своего «укрытия», склонилась над пациенткой. Та уже пришла в себя и пыталась подняться при помощи других пациенток, бормоча извинения.

– Ну вот, все же в порядке! – повеселела дежурная.

– Ничего не в порядке! – оборвала ее я. – У пациентки сильный жар.

– Но это же офтальмологическое отделение! – развела руками сестра.

– А что, разве здесь не больница? – огрызнулась я. – Давай-ка, ноги в руки – дуй за терапевтом!

– Извините, – пролепетала пациентка, окончательно оправившись. – Я попросила сестричку дать мне что-нибудь от гриппа – видимо, подхватила его здесь, в больнице, но она сказала, что на отделении нет таких медикаментов, и послала на первый этаж, в аптеку. У меня с собой денег нет, и я пыталась позвонить мужу, чтобы...

– Не волнуйтесь, – успокоила я ее. – Сейчас придет врач из терапии и посмотрит вас. Как вас зовут?

– Раиса...

Сильный приступ кашля заставил ее задохнуться.

– Ой, мне так... неудобно! – отдышавшись, пробормотала больная.

– Глупости! Давайте-ка я провожу вас в палату.

– Она еще вчера себя плохо почувствовала, – заметила между тем одна из пациенток, что первыми поспешили на помощь. – Я сказала ей, что нужно что-то принять, чтобы «прихватить» заразу на месте, но Райка решила, что обойдется. Вот и «обошлось»!

Я подумала, что дело плохо: если у нее в самом деле грипп, ее следовало изолировать, а не вести обратно, к другим пациентам. Однако решать это предстояло не мне, а приглашенному терапевту, поэтому, уложив больную, я потопала к себе в отделение: операция через десять минут, а я еще даже не начинала готовиться!

* * *

– Ну, и как там наши дела?

Артем плеснул в стакан из пузатой бутылки и поднял его, разглядывая жидкость на свет. Он любил хороший армянский коньяк – настоящий, с терпким вкусом и незабываемым послевкусием. Андрею подарили целый ящик, и несколько бутылок он великодушно пообещал отдать Артему. Андрей пил редко и мало. Когда-то он испытывал проблемы с алкогольной зависимостью, а потому предпочитал не искушать судьбу.

– «Наши» дела? – переспросил Андрей, устремив на приятеля вопросительный взгляд.

– Ну, в смысле, дела ОМР?

С тех пор как Лицкявичусу по состоянию здоровья пришлось уйти с поста главы Отдела медицинских расследований и на его место пришел новый начальник, Толмачев, дела группы находились в упадке. Толмачев боялся браться за дела, которые раньше находились в ведении отдела, и ими либо занималась Комиссия по этике, либо, если требовалось серьезное расследование, они передавались в полицию или прокуратуру. Вице-губернатор Кропоткина обещала, что восстановит справедливость и вернет Андрея, но пока дело ни на миллиметр не сдвинулось с мертвой точки. Карпухин с тоской вспоминал былые времена, когда группа Андрея, включая Агнию Смольскую, гениального патологоанатома Леонида Кадреску, вундеркинда Вику и психиатра Павла Кобзева, успешно занималась расследованиями сложных медицинских случаев. То были хорошие деньки, и, хотя сначала Карпухин с неохотой воспринял назначение координатором от следствия в ОМР, теперь он сильно сожалел о том, что они канули в прошлое.

– Боюсь, мне нечего тебе сообщить, – покачал головой Андрей. Огромный мраморный диван лежал рядом с ним на диване, положив тяжелую голову на колени хозяина и блаженно сощулив левый глаз. – Кропоткина не звонит. Кроме того, дела в клинике требуют моего внимания, так что времени на размышления об ОМР как-то не остается.

Артем знал, что Андрей лукавит, но не хотел понапрасну нервировать его: в конце концов, что он может сделать?

– А у тебя что новенького?

– Да так, все одно и то же, – пожал плечами Артем, отхлебнув из стакана и смакуя напиток. – Хотя, пожалуй, одно интересное дело все же имеется. Возможно, ты знаком с Яковом Карминым?

– А должен?

– Ну, не знаю, он ведь довольно известен во врачебных кругах.

– Погоди, ты о вирусологе Кармине говоришь? – внезапно вспомнил Андрей.

– Именно о нем.

– И что же?

– Трагическая смерть. Представляешь, попал под поезд!

– Действительно трагическая... Но что же тут интересного? Прости меня, но ты ведь «важняк» и, насколько мне известно, несчастными случаями не занимаешься?

– Тебе все известно, – кивнул Карпухин. – Только дело, видишь ли, в том, что несчастный случай под вопросом.

– Подозреваешь убийство?

– Случилось кое-что, заставляющее пересмотреть первоначальную версию.

– Поделишься по старой дружбе?

Артем с удовольствием уловил во взгляде Андрея огонек нескрываемого интереса.

– Почему же не поделиться? Дело обстояло следующим образом. Кармин собирался в командировку в столицу нашей родины, и все его коллеги, а также родная сестра были уверены в том, что его нет в городе. Однако Кармина нашли на путях в районе станции Сиверская, и это означает, что ни в какой Москве он не был.

– То есть Кармин всех надул? – сказал Андрей. – А в результате...

– Да уж, результат оказался непредсказуемым! Насколько хорошо ты был знаком с профессором?

– Не лично, – покачал головой Андрей. – Прочел пару его книг об эпидемиологической ситуации в Южной Америке и Африке – весьма поучительно, хотя и чересчур наукоемко.

– Ну, не у всех он есть, талант беллетриста, как у тебя! – усмехнулся Артем. – Твои книги даже я понимаю.

– И что же тебя во всем этом настораживает? – спросил Андрей, не желая продолжать тему о себе – не из скромности, а просто потому, что заинтересовался историей, которую рассказывал майор.

– Да, знаешь ли, вся эта таинственность... Сестра утверждает, что знала обо всех передвижениях профессора, а выяснилось, что это не совсем так! Правда, местный патологоанатом, проводивший вскрытие, однозначно утверждает, что признаки насильственной смерти отсутствуют.

– Кому нужны убитые профессора, когда гораздо проще иметь дело с профессорами, упавшими под колеса поезда по чистой случайности? – пожал плечами Андрей.

– Однако Кармин не находился в состоянии алкогольного опьянения и не страдал близорукостью – как он мог ни с того ни с сего загреметь под товарняк? Однако, как я уже упомянул, произошло кое-что, заставившее меня лично заняться этим делом.

– Что же?

– На следующий день после похорон профессора дом Карминых подвергся взлому. Ничего не украли, кроме ноутбука и компьютера, хотя в квартире имелись и другие, более ценные вещи. Не скажу, что Кармины жировали, но в доме было чем поживиться, помимо недорогой электроники.

– Думаешь, дело в сведениях, хранящихся в компьютерах?

– Маргарита Кармина сказала, что профессор в последнее время занимался клиническими исследованиями по заказу различных фармацевтических компаний – в общем-то, ничего особенного. Ты знаешь, что в нашей стране чаще всего клинические исследования проводит сам производитель лекарств и никто другой не имеет права проверить результаты?

– Верно, – согласился Андрей. – Это выглядит так, как будто муж подозревает жену в измене, но проверить это может только сама жена, – российские законы порой отличаются невероятным цинизмом, чтобы не сказать – откровенным идиотизмом! Но я все равно пока не понимаю...

– А я тебе объясню! – перебил майор. – Кармин вел заказные клинические исследования, и за это он получал неплохие гранты от различных производителей. Его сестрица заикнулась, что в последнее время брат выглядел подавленным, озабоченным и даже заговаривал о переезде, причем не куда-нибудь, а за границу.

– Хотел эмигрировать?

– Нет, просто купить домик – вроде бы в Болгарии. Дорогая мечта для российского профессора, не находишь?

– Наверное, клинические исследования хорошо оплачивались? – поднял светлые брови Андрей. – Говорят, это золотое дно для тех, кому повезет получить такой заказ... Так ты думаешь, Кармин не оправдал чьих-то ожиданий? По-моему, недостаточный повод для убийства!

– А я ничего пока и не утверждаю, – вздохнул Карпухин, откидываясь на спинку дивана. Господи, как же хорошо дома у Андрея – умеет человек получать от жизни удовольствие – хотя бы в те редкие моменты, когда он здесь!

– Обедать будем?

Голос Раби, домоправителя Андрея, заставил Артема, почти убаюканного коньяком и мягкостью дивана, вздрогнуть от неожиданности.

– Конечно, будем! – отозвался Андрей. – Что там у тебя?

– Как что? Плов из баранины есть, чебуреки есть, манты есть... Что еще надо?

В его голосе звучала обида, словно он давал понять, что хозяин не ценит его праведных трудов по обихаживанию сложной, вечно всем недовольной личности Лицкявичуса.

– Отлично, Раби! – благодарно улыбнулся майор. – Тащи все!

– Ну, правильно, правильно, – забормотал домоправитель, удаляясь. – А то что за дела – никто ничего не ест, только кофе глущит... А Раби готовит, старается!

– Тяжело тебе приходится! – воскликнул Артем, когда за Раби закрылась дверь.

– И не говори – такое впечатление, что мы давно женаты и он претендует на свою долю внимания!

– Может, одному из вас и в самом деле пора жениться? Сам подумай, если женится Раби, то перестанет так ревностно относиться к тебе, а если ты, то... Ну, по крайней мере жена сумела бы поставить твою «няньку» на место!

– Не родилась еще та женщина, которая могла бы поставить на место Раби! – рассмеялся Андрей.

– И та, что могла бы тебя выдерживать каждый божий день! – подхватил майор.

Подумать только, а ведь ему некоторое время назад казалось, что эта женщина не только родилась, но и достигла вполне сознательного возраста. Конечно же, Артем имел в виду Агнию. Авантюристка, с хорошей интуицией и незаурядным умом, она порой оказывалась еще менее управляемой, чем Андрей, не признавала авторитетов и стремилась во всем разобраться сама. Она вышла замуж за Олега Шилова, но Артему всегда казалось, что ее тянет к Андрею. И Андрей, чего уж греха таить, равнодушен к этой женщине – ежу понятно! Ни с кем другим он не ведет себя так отвратительно, как с Агнией, а это верный признак того, что Андрей просто не знает, как себя с ней вести!

Раби вкатил столик, заполненный мисочками и кастрюльками, источающими умопомрачительный аромат, мгновенно вызвавший у майора обильное слюнотечение – не меньше, чем у мраморного дога, заволновавшегося при виде домоправителя с едой.

– Раби, ты – волшебник! – выдохнул Артем, едва не прослезившись.

Гордость, отразившаяся на лице домоправителя, говорила о том, что за эти слова он готов простить майору все бывшие и будущие грехи.

– Ну, приступим? – предложил Артем, в очередной раз с недоумением заключив по равнодушному лицу Андрея, что все блага мира почему-то достаются именно тем, кто не способен оценить их по достоинству.

* * *

– Те из вас, коллеги, кто еще не потрудился сделать прививку от гриппа, должны с этим поторопиться! – вещал Главный. Как обычно, он стоял, опираясь на стол всем своим немалым весом. Белый халат, едва сходящийся на животе любителя пива и жирной пищи, походил на маскировку, натянутую на танк времен Второй мировой войны, чтобы враг не отличил его от сугроба. Небольшая по сравнению со всем остальным телом голова с коротко стриженным ежиком седеющих волос словно вросла в плечи, так незаметна была шея Доброва. Тем не менее, несмотря на то что коллектив никогда не мог отказать себе в удовольствии пошутить над Главным, Доброву удавалось выглядеть внушительно и заставлять нас прислушиваться к его словам. Как ни странно, у Главного получилось то, чего не вышло у всех его многочисленных предшественников: он сделал больницу местом, куда хотелось возвращаться. Мы не получали больше денег, чем остальные больницы, – во всяком случае, Добров всегда сетовал на то, что финансирования катастрофически не хватает. Однако он сумел осуществить ремонт практически всех отделений, заменить старые рамы на стеклопакеты, продавленные кровати в послеоперационных палатах с прогнившими и желтыми от мочи матрасами на современные койки-трансформеры европейского образца, оборудованные звонками для вызова медперсонала, которые – о чудо! – работали. Стараниями Доброва в буфете и в приемном отделении появились кофемашины, которые лично я просто обожаю – прямо-таки жить без них не могу, хотя до этого двадцать лет прекрасно обходилась растворимым кофе, и мне даже в голову не приходило жаловаться. В общем, несмотря на многочисленные недостатки, включающие авторитарность, непомерную требовательность и грубость с подчиненными, наш Главный, пожа-

луй, все же находится на своем месте. Упоминание о прививке заставило меня едва заметно поморщиться. Вернее, это я думала, что «едва заметно», однако сидевший рядом Олег предупреждающе сжал мою руку.

– Не стану я делать эту дурацкую прививку просто потому, что так положено! – процедила я сквозь зубы.

– И это – не моя прихоть! – словно обладая радиолокационным устройством и вопреки расстоянию услышав мою реплику, продолжал Главный, пристально глядя именно в ту сторону, где располагались мы с Шиловым. – Хочу довести до вашего сведения, что за последние две недели нам пришлось перевести в Боткинскую инфекционную больницу больше пятнадцати пациентов, и причиной тому грипп. Судя по всему, в этом году нас ожидает серьезнейшая эпидемия, и как раз на завтра меня вызвали на городское совещание в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой в городе. Два человека уже скончались – это так, для того, чтобы некоторые не обвиняли меня в голословности!

Черт, он опять смотрит в нашу сторону – неужели кто-то донес на меня за «неполиткорректные» высказывания в адрес Доброва? Да нет, не может быть, просто я в последнее время стала чересчур мнительной.

– Беда в том, – продолжал Главный, – что Боткинская больница поставила нас перед фактом: они больше не принимают пациентов. Другие инфекционные больницы, даже загородные, а также соответствующие отделения переполнены, и нам рекомендовано справляться своими силами...

Народ недовольно загудел – естественно, кому же хочется заниматься больными, у которых, помимо всего прочего, еще и вирусное заболевание?

– Тихо! – крикнул Добров, уперев руки в толстые бока, и действительно сразу наступила тишина. – Мне это «нравится» точно так же, как и вам, но директивы придется выполнять. Делать это будем следующим образом. Во-первых, всех, кого можно, в срочном порядке выпишем – пусть долечиваются дома...

– А как же с лежащими? – выкрикнул кто-то из зала, но я не успела заметить кто.

– На это тоже имеются указания, – невозмутимо отреагировал Добров. – В некоторой степени нам, можно сказать, повезло: на территории больницы располагается инфекционный корпус.

– Но он же на реконструкции! – подал голос сидящий рядом со мной профессор Лебедев, ведущий хирург на кардиологии. Ему, вернее, его пациентам, придется хуже других, ведь большинство из них тяжелые – только гриппа не хватало!

– Ну, ремонт, слава богу, идет своим чередом, и кое-что уже удалось закончить. С сегодняшнего дня все медицинские и лечебно-профилактические учреждения переводятся на повышенный режим работы. Каждой больнице придется развернуть дополнительную коечную сеть, поэтому я распорядился открыть первый этаж, где уже закончена внутренняя отделка – для изолятора сойдет.

– Так речь и в самом деле идет об эпидемии? – недоверчиво спросил Шилов.

– Вот именно, коллеги! – кивнул Главный. – Распоряжением Комитета по здравоохранению каждое отделение должно быть укомплектовано всем необходимым, включая ингибиторы нейроминидазы второго и третьего поколений, то бишь занамивир и озельтамивир.

– Погодите-ка! – снова подал голос Шилов, и теперь он выглядел по-настоящему встревоженным – впрочем, как и мы все: совещание начиналось как плановое, но, похоже, грозило перерасти в чрезвычайное! – Речь о свином гриппе, что ли?

– Мы пока не знаем, с каким типом вируса имеем дело. На всякий случай мы также рассчитываем на интерферон, циклоферон и ремантадин... Хотя, если подозрения насчет свиного гриппа подтвердятся, они окажутся абсолютно бесполезны. Кроме того, как вы понимаете, одно дело – то, что нам обещают, и совершенно другое – то, что мы на самом деле получим,

а главное, когда! Поэтому попытайтесь «раскрутить» самих пациентов и их родственников на необходимые медикаменты: наш лозунг «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих»! Только не забудьте предупредить народ, чтобы ни в коем случае не баловались аспирином во избежание геморрагических осложнений. К сожалению, мы уже получили несколько таких пациентов по городу: американский аспирин – это зло, потому что он доступен, недорог и, как считают сами америкосы, помогает «от всего»! У троих детей из-за этого обнаружилось потенциально смертельное осложнение в виде синдрома Рея. Так что рекомендуем всем хотя бы парацетамол или ибупрофен.

Тишина, повисшая в конференц-зале, говорила о том, что все мы наконец осознали серьезность положения. Эпидемии гриппа случаются каждый год, даже дважды в год, но никогда раньше Добров не выглядел таким серьезным.

– Он знает больше, чем говорит, – шепнула я на ухо Шилову.

– Боюсь, ты права! – пробормотал он. Черт, а я-то надеялась, что Олег меня успокоит.

– Может, все-таки сделаешь прививку? – тут же спросил он.

– А смысл? – передернула я плечами. – Если это свиный грипп, то где гарантия, что штамм тот же, что и в прошлый раз?

Шилов это понимал, но прививку сделал, ведь он заведующий отделением и, по его мнению, имеет право требовать от подчиненных только то, что делает сам. Интересно, Добров тоже так считает?

* * *

Толмачев нервничал, и это было тем более заметно, что вице-губернатор сохраняла завидное хладнокровие. Разговор имел место в ее личном кабинете, в Смольном, а нынешний глава отдела не любил выезжать по вызовам – в своей вотчине он чувствовал себя уверенно.

– У меня создается впечатление, Денис Васильевич, – тихо, но отчетливо произнесла Кропоткина, – что вы уклоняетесь от исполнения своих непосредственных обязанностей. Сначала вы отказались подключиться к делу Кармина...

– Но это же несчастный случай! – раздраженно перебил Толмачев.

– У Карпухина имеются определенные подозрения...

– Карпухин! – вновь прервал вице-губернаторшу Толмачев, и она едва заметно поморщилась. Годы на руководящей работе выработали у Кропоткиной определенные качества. В их числе – толерантность (по крайней мере видимую). Именно поэтому она все еще разговаривала с этим человеком, а не выставила его вон. У нее часто возникали трения с Андреем Лицквичем, однако тот хотя бы разумен и адекватен, и с ним можно прийти к общему знаменателю, пусть и после длительных баталий. Толмачев же переливает из пустого в порожнее, стараясь брать на себя как можно меньше ответственности. Кропоткина давно поняла, что на посту главы ОМР Толмачев бесполезен, но убедить в этом тех, благодаря кому он заполучил назначение, не так-то легко. Ничего, она подкопит компромат, и тогда Толмачева спустят в унитаз, а она снова увидит на месте созданной ею организации того, кто знает, что делать, и не боится обязательств. Но, черт подери, сейчас ей и самой нужно хорошо выглядеть перед начальством. Это значит, что надо заставить Толмачева заняться делом, и вице-губернатор не собиралась рисковать собственным положением, чтобы глава ОМР чувствовал себя в безопасности!

– Боюсь, на сей раз вам не удастся избежать ответственности, Денис Васильевич, – ледяным тоном проговорила Кропоткина. – Я получила письменное распоряжение сверху: ОМР надлежит оказать помощь бригаде академика Рыжова. Он предполагает, что мы имеем дело не с простой эпидемией, а у вас есть связи и знакомства в определенных кругах. Не исключено, что Рыжову понадобятся информация и помощь от ваших коллег.

– Да, но что же тут расследовать? – развел руками Толмачев, все еще надеясь отбояриться от неприятного задания. – Насколько я понимаю, речь идет всего лишь об очередной эпидемии гриппа – это же не чума, в конце-то концов!

– Я не настолько хорошо разбираюсь в медицине, чтобы вести с вами научную дискуссию на должном уровне, а дилетантизма не терплю, – ответила вице-губернатор. – Именно поэтому разговаривать с Рыжовым придется вам, и я ожидаю подробного отчета.

Тяжело вздохнув, Толмачев опустился на длинный кожаный диван. Видит бог, он не хотел в это ввязываться! Дело такого масштаба грозило увольнением в случае неудачи, а неудачу он умел предвидеть как никто другой. До тех пор, пока ОМР занимался мелкими делами в пределах одной больницы или поликлиники, все шло гладко. И все же его достали – сейчас, когда все складывалось как нельзя более удачно: Лицкявичус устранен и, кажется, не желает возвращаться, команда обезглавлена и рассредоточена, эта отвратительная баба, любовница Андрея, уволена, а Кадреску, от одного вида которого у Толмачева начинался нервный тик, сбежал. Никита, Вика и Павел Кобзев угрозы не представляют. Вскоре можно будет укомплектовать отдел теми, кому доверяет он, Толмачев, а не ставленниками вице-губернаторши... И надо же именно теперь случиться этой идиотской ситуации, в которой можно здорово опозориться!

Но тут ему в голову пришла еще одна мысль, от которой мрачное лицо Толмачева немного просветлело. Если правильно разыграть карты, то он раз и навсегда докажет, что не зря занимает место, а значит, уже никто не посмеет сместить его и вернуть Андрея! Так чем черт не шутит?

* * *

– Хорошо ты устроился, Андрей Эдуардович! – благодушно усмехнулся Лаврентий Рыжов, разглядывая интерьер просторной гостиной. – Вот, значит, как живут богатые пластические хирурги?

– Я – не пластический хирург, – возразил Лицкявичус с легким оттенком раздражения.

– Да ладно тебе! – рассмеялся вирусолог. – Прости, если обидел, – знаю, ты делаешь очень важное дело... Может, я тебе завидую?

– Мне? Ты – академик, лауреат премий, носитель званий и так далее – с чего тебе мне завидовать?

– Ну, сам посуди: кто меня знает? Я, друг мой, как говорят, широко известен в узком кругу ограниченных людей, а ты – популярный писатель, любимец широкой публики... Бабы небось косяками за тобой ходят?

Лаврентий уже прилично набрался, а потому говорил откровенно, как любой алкоголик, потерявший тормоза и считающий, что все вокруг – его друзья. Когда-то они и в самом деле были приятелями, но с тех пор прошло много времени, и оба изменились – причем явно не в лучшую сторону. Лаврентий сорвался после смерти матери. Она не позволяла пагубным пристрастиям, основным из которых являлась невозддержанность в спиртных напитках, полностью овладеть Рыжовым. Жаль, ведь его гениальный мозг до сих пор способен генерировать удивительные идеи и фонтанировать парадоксальными решениями сложных проблем. Рыжов всегда жил на полную катушку, обожая мир со всеми его недостатками, пороками и странностями, любил женщин и хорошую, умную беседу. Но больше всего на свете он любил выпить, и с этим никто не мог ничего поделать – ни четыре его официальных жены, в конце концов оставившие попытки бороться с зеленым змием, ни коллеги, всячески пытавшиеся отвлечь Лаврентия и заставить употребить всю свою неумную энергию во благо здравоохранению. Только Марья Дмитриевна умела с ним справиться, но ее уже давно нет на этом свете, а значит, единственный тормоз, способный замедлить сумасшедший бег к печальному финалу, сломался и больше не

мог помешать Рыжову методично заниматься самоуничтожением. Андрей понимал бывшего приятеля лучше, чем кто-либо другой, ведь он и сам когда-то находился в том же положении. Его спасла сила воли и презрение к себе самому, тогдашнему. У Лаврентия же, похоже, не было внутреннего критика, который заставил бы этот могучий состав вернуться обратно на рельсы.

И все же он здесь – не забыл посетить старого товарища, хоть они и не общались целую вечность.

– Значит, ты встретился с Толмачевым? – сказал Андрей, переводя разговор на другую тему.

– Ты ведь его терпеть не можешь, да? – усмехнулся Лаврентий, закидывая ногу на ногу. Ему это движение удалось не сразу, и Андрей, подождав Раби, застывшего в дверях и неодобрительно взиравшего на гостя, попросил принести кофе. Обычно домоправитель возражал, предпочитая подавать чай, но сейчас даже не пикнул.

– Скажем так: мы друг друга недолюбливаем, – ответил он на риторический вопрос Рыжова.

– Знаешь, я ведь с ним не общался в академии, но теперь склонен с тобой согласиться: мужик – редкостная сволочь!

– Он и тебя успел против себя настроить?

– Много времени ему не потребовалось! Во-первых, этот твой Толмачев, видимо, страшно боится расстроить начальство. С одной стороны, комитет со своими предписаниями, с другой – вице-губернатор и сам губернатор, и каждый из них норовит потянуть в свою сторону и внести собственную лепту в любое, даже самое незначительное дело. Но Толмачев, дурачина, не понимает, что рано или поздно выбирать все же придется, и вот тогда-то важно оказаться на правильной стороне!

– И какая же сторона правильная, по твоему мнению? – заинтересовался Андрей.

– А шут его знает – я никогда не умел выбирать стороны! – расхохотался Рыжов. В этот момент искреннего и неподдельного веселья Андрею показалось, что в лице этого располневшего, обрюзгшего и сильно постаревшего человека проступили черты старого однокашника по Военмеду. Рыжов не лукавил, говоря про неумение правильно «выбирать стороны» – он всегда действовал прямолинейно и потому нажил себе немало врагов.

– И что же за предписания тебе выдали на сей раз?

– Обхохочешься! – со смехом хлопнул себя по ляжкам Лаврентий. – Ну, во-первых, от всего медперсонала сейчас требуется ношение маски или ватно-марлевой повязки, представляешь?

– Да уж, особенно поможет повязка! – скривился Андрей. – Еще лучше использовать противогаз – это уж наверняка спасет!

Вирусолог снова рассмеялся.

– Ага! Но это еще не вся дурь, как ты понимаешь. Нам предлагают ввести карантин!

– Это по гриппу-то? То есть комитет всерьез полагает, что реально локализовать вирусную инфекцию при помощи карантина?

– Вот-вот! – давась от хохота, закивал Лаврентий. – Что толку отлавливать и изолировать больных, сходящих с трапа самолета или с поезда, если они уже успели заразить всех пассажиров? Просто у остальных грипп разовьется спустя инкубационный период... Кстати, это уже совсем другая песня.

Несмотря на то что Рыжов находился прилично подшофе, его лицо мгновенно вновь стало серьезным, даже озабоченным, что не понравилось Андрею: насколько он помнил приятеля, тот всегда слыл оптимистом.

– А что с инкубационным периодом?

– Понимаешь, что-то странное творится, – задумчиво пробормотал Лаврентий. – У некоторых больных он длится более двух недель, у других болезнь проявляется чуть ли не в течение

суток после контакта с зараженным человеком. Таким образом, речь может идти о двух разных вирусах! Кроме того, смертность уж больно высока: за последние несколько недель от развившейся в рекордно короткие сроки пневмонии скончались больше десятка человек! А комитет, с одной стороны, предлагает принять эпидемиологические меры, а с другой – требует обстановки строжайшей секретности. Я понимаю, они боятся паники и того, что тот, кто креслом повыше, стукнет того, кто креслом пониже, по кумполу за то, что «запустил ситуацию».

– Как думаешь, это может быть свиной грипп? – поинтересовался Андрей, нахмутив светлые брови. Во всем, что касалось инфекционных заболеваний, он считал себя профаном.

– Нужно проверить все факты, – уклончиво ответил Рыжов. – Сам знаешь, быстро только кошки родятся! Однако, как говорится, «надейся на лучшее, но готовься к худшему».

Андрей испытующе посмотрел на приятеля.

– Слушай, Лаврик, я ж не вчера родился, – сказал он. – Если пригласили именно тебя, значит, дело и в самом деле дрянь!

– Между прочим, я вообще не должен это с тобой обсуждать, – после недолгой паузы отозвался ученый. – Я подписку дал.

– Вот как... Значит, хуже некуда!

– С завтрашнего дня временно завязываю с выпивкой – сам соображай, насколько все паршиво.

* * *

В последние дни я все чаще обнаруживала, что на работе откровенно валяю дурака. Количество пациентов резко сократилось: по распоряжению Доброва всех, кто не нуждался в срочном операционном вмешательстве, в спешном порядке выписывали. Несмотря на строгие указания Главного, я продолжала избегать прививки, но, чтобы не попасться под горячую руку начальству, предусмотрительно запаслась фальшивой справкой. Я никогда не болею ОРЗ или гриппом. В детстве мама замучилась, таская меня по врачам, ведь я не проводила в школе больше полутора месяцев подряд, чтобы не загреметь в постель с высокой температурой. Создавалось впечатление, что зараза липла ко мне, словно я притягивала ее магнитом. Однако где-то после десяти-одиннадцати лет – как отрезало: даже обычных кашля и насморка у меня не бывает. Поэтому мне вовсе не улыбалась мысль пройти через вакцинацию с неизвестными последствиями, и я отлично помнила лекции профессора Кармина об иммунитете. Он говорил, что каждый живой организм обладает способностью сопротивляться инфекции и преодолевать ее. При болезнях, вызываемых вирусами, срабатывает защитная реакция. Чтобы искусственно выработать иммунитет, необходимо ввести в организм ослабленный вирус, и тогда болезнь протекает в легкой форме. Вакцина состоит из обезвреженных организмов, вырабатывающих защитные антитела, которые нейтрализуют болезнетворных микробов. После оспы, кори, ветрянки в организме вырабатывается иммунитет к этим заболеваниям, так что они больше никогда не повторяются, а вот после гриппа нет никакой уверенности, что вы не заразитесь вновь!

Однако скорость, с которой распространялась инфекция, поражала. Вчера я заскочила в офтальмологию, где на днях помогла пациентке, и с удивлением выяснила, что еще две женщины из ее палаты заболели.

– О чем грустим?

Голос Шилова вывел меня из состояния задумчивости. Сбросив туфли, я сидела за столом в ординаторской с пачкой нуждавшихся в заполнении документов. Не было бы счастья, да несчастье помогло – у меня катастрофически не хватает времени на бумажную работу, но теперь благодаря облегченному операционному режиму из-за отсутствия наплыва пациентов я получила возможность заняться нелюбимым делом.

– Да вот, боюсь, скоро работу потеряю! – угрюмо ответила я.

Шилов выглядел уставшим. Ему приходилось принимать на себя большую часть упреков и жалоб пациентов, вынужденных выписываться.

– Немноголюдно у нас, да?

Я кивнула.

– Ничего, любая эпидемия рано или поздно заканчивается, – ободряюще сказал Олег. – Ты обедала?

Вместо ответа я посмотрела на него и спросила:

– Ты уже подал заявление об уходе?

С тех пор как Шилов сообщил мне о своем желании сменить место работы, мы к этой теме не возвращались: видимо, он ожидал первого шага от меня. Конечно, стать женой главного врача хорошей платной клиники – отличная перспектива, и наш социальный и материальный статус мгновенно повысится, но ни я, ни Шилов никогда не считали себя людьми, зависимыми от положения на социальной лестнице. Я боялась, что, заполучив в свое полное ведение клинику, Олег вообще перестанет появляться дома, а приходя, будет валиться с ног от усталости. Хочу ли я быть женой руководителя?

– Еще нет, – ответил на мой вопрос Олег. – Сейчас не время расстраивать Доброва – видишь же, что творится... А ты, значит, не против?

– Как я могу быть против, Шилов? Кто я такая, чтобы мешать тебе «карьерно развиваться»?

– Кто такая? Ты – моя жена, самый главный человек в моей жизни!

Я подозрительно посмотрела ему в глаза – нет, Олег не шутил. Мне стало стыдно, и я клюнула его в щеку.

– Спасибо, муженек, – в жизни не слыхала более приятных слов!

– Так как же тебя все-таки понимать?

– Я уже говорила, что соглашусь с любым твоим решением. Мое мнение такое: нужно попробовать, ведь ты достоин большего, чем просто работать на Доброва и терпеть его самодурство – пора уже и самому его проявить!

– Никогда не могу понять, говоришь ты серьезно или шутишь, – после короткой паузы произнес Шилов. – Ну, что, потопали в буфет?

* * *

– Вы, значит, пока замещаете Кармина?

Карпухин сидел на неудобном пластиковом стуле, предназначенном, казалось, специально для того, чтобы не расслабляться. Мышцы ягодиц уже начинали болеть, словно майор прокатился на горном велосипеде километров этак двадцать. Кабинет временно исполняющей обязанности заведующего лабораторией иммунологии НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Пастера, ранее принадлежавший покойному профессору, выглядел по-спартански. Вся мебель пластиковая, в черно-белых и серых тонах, на безликих стенах фотографии знаменитых ученых, имен которых Карпухин не знал, и жалюзи на окнах вместо привычных занавесок. Сидевшая перед майором женщина за пятьдесят, невысокая, полноватая, выглядела именно так, как, по его представлению, должна выглядеть дама от науки, – совершенно непритязательно. Волосы с проседью, собранные в неопрятный узел на затылке, делали круглое, лишенное косметики лицо Валентины Шариповой строгим и серьезным, а ее трикотажный костюм, явно купленный на рынке, сильно контрастировал с видом помещения, в котором она заседала. Как успел заметить наметанный глаз майора, на пухлом безымянном пальце правой руки доктора отсутствовало обручальное кольцо, да он и не мог представить себе мужчину рядом с Шариповой – меньше всего она походила на семейную даму.

– Да, мне доверена эта честь.

Она произнесла это высокопарным тоном, но Карпухин видел, что Шарипова и в самом деле так считает. Интересно, какие отношения были у нее с Карминым? Конечно, ни о какой романтике речи не идет, решил для себя майор. Хотя кто ж их разберет, этих ученых?

– Наверное, трагическая гибель профессора стала для всех ударом?

– Разве может быть иначе? Это невосполнимая потеря для всего учреждения и для каждого сотрудника в отдельности – Яков Борисович был незаурядной личностью и выдающимся ученым.

Ответ Шариповой звучал весьма уместно, но вот тон, которым он был произнесен, оставлял место для сомнения в ее искренности. За долгое время работы в органах правопорядка Карпухин научился, как сонар на подводной лодке, улавливать малейшие модуляции в голосе собеседника. Он мог ошибаться, но с годами это случалось все реже.

– Какую именно работу курировал Кармин, Валентина Шакировна?

Шарипова посмотрела на майора так, словно оценивала его умственные способности: сумеет ли этот профан понять ответ на свой вопрос или даже не стоит затрудняться объяснениями?

– Сфера наших интересов широка, – произнесла она наконец. – Иммунология, микробиология, диагностика инфекций, изучение генетического полиморфизма хеликобактерий, разработка методов диагностики инфекционных болезней на основе применения полимеразной цепной реакции и риботипирования...

Карпухин невозмутимо записывал все, что говорила ученая дама. От него не укрылся тот факт, что Шарипова часто произносит местоимение «мы», стараясь не упоминать имя покойного – странно, принимая во внимание факт его трагической смерти и ее собственные слова о том, какая это огромная потеря для института!

– А как насчет клинических исследований? – поинтересовался Карпухин.

Во взгляде Шариповой появился некий намек на уважение: очевидно, он выполнил «домашнее задание»!

– Естественно, – кивнула она, – этим мы также занимаемся. К сожалению, потоки государственного финансирования в последнее время серьезно сократились, и мы вынуждены как-то выживать в создавшихся условиях.

– Вам это, похоже, не по душе?

– Это так, однако выхода нет: науке приходится отойти в сторону, когда речь идет о деньгах!

– А у вас случайно не возникало проблем на этой почве?

– Какого рода проблемы вы имеете в виду, простите?

– Ну, не знаю... Например, кто-то остался недоволен результатами исследований, проведенных вами?

Шарипова задумчиво постучала ручкой по плексигласу, покрывавшему стол во избежание повреждения гладкой пластиковой поверхности.

– Да нет, не думаю, – покачала она головой.

– А вы бы знали, появись такие проблемы? – не сдавался Карпухин.

– Если вы имеете в виду, насколько профессор Кармин мне доверял, то я находилась в курсе всех его дел!

– Значит, и в курсе того, имелись ли у Кармина враги?

Вопрос, казалось, застал ее врасплох.

– Разве... Простите, мне казалось, что с Яковом Борисовичем произошел несчастный случай?

– Возможно, и так, однако мы обязаны рассмотреть все версии. Так как же насчет врагов, Валентина Шакировна?

Второй раз за время этой краткой беседы майору, кажется, удалось поставить и. о. зав. лаб. в тупик.

* * *

– Ну, как продвигаются дела?

Нетерпеливый тон Толмачева заставил Лаврентия поморщиться. Он не понимал, что этот человек здесь делает, хотя постепенно приходил к выводу, что Толмачева приставили к «чрезвычайной» группе вирусологов специально для того, чтобы он шпионил за каждым их шагом. Значит, ему, Рыжову, не доверяют? Эта мысль раздражала, если не сказать – оскорбляла ученого. Толмачев даже не понимает, с чем они имеют дело... Черт, да он и сам до конца не понимает!

– Все идет по плану, – ответил Лаврентий.

– Вы определили тип вируса?

Поймав в зеркале взгляд Александра, сидящего за соседним компьютером, и уловив в его зрачках опасный блеск, Рыжов резко встал и повернулся к Толмачеву лицом.

– Послушай, Денис, – сказал он, – ты все узнаешь одним из первых, я обещаю. А пока что просто позволь нам заниматься своей работой, хорошо?

Ох, как ему это не понравилось, с удовлетворением отметил про себя Лаврентий. Как же, главу ОМР, приставленного к группе самим губернатором, «опустили» перед всей честной компанией! Люди слышали каждое слово, но Толмачев сам виноват: какого дьявола он сюда притащился и дышит в затылок, как маньяк будущей жертве?

Поджав губы, Толмачев покинул лабораторию.

– Почему ты с ним цацкаешься? – злобно бросил Александр. – Пошли его подальше, а то он нам всю работу срывает!

– Тише, тише, правдоруб ты наш! – цыкнул на сына Рыжов. – Над тобой всегда будет начальство, и это, к сожалению, неизбежно, как смена сезонов. Учись быть сдержанным: пока что твой возраст извиняет излишнюю горячность, но скоро это преимущество сотрет время, и тогда тебя перестанут считать чудом природы и начнут называть занозой в заднице!

Александр недовольно поморщился. Ничего, подумал Лаврентий, парню же всего двадцать один, а у него уже есть степень Массачусетского медицинского университета в области иммунологии, диплом с отличием Первого меда и почти законченная диссертация. Правда, из-за возраста к Александру относятся несерьезно, и парня это здорово бесит... Эх, молодозелено!

А вот реальная помощь им и в самом деле не помешала бы. Толмачев, ясен пень, и пальцем не пошевелит, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, если, конечно, под ним не взорвать атомную бомбу. Но есть кое-кто, к кому, пожалуй, все же можно обратиться. Сдерживая на ходу халат, Рыжов прошел в предбанник и снял трубку с телефона.

* * *

Вечером раздался звонок от Вики. Я была рада слышать ее звонкий голосок, пулеметной очередью выстреливающий слова, но просьба, с которой она ко мне обратилась, заставила меня онеметь от неожиданности.

– Андрей Эдуардович просит всех присутствовать – и бывших, и действующих членов ОМР, – тараторила Вика. – И Леня будет, и Ник – короче, все согласились. Так что ждем вас в семь, о'кеюшки?

– Хор... то есть о'кеюшки, конечно, – пробормотала я в трубку, хотя Вика уже отключилась и не слышала моих слов.

Вика, наш вундеркинд, или ребенок «индиго» – так, кажется, их сейчас называют, все еще оставалась в полуразогнанном Отделе медицинских расследований в надежде на возвращение Лицкявичуса. Именно он пригласил ее туда работать, и Вика, как, впрочем, и все мы, никак не могла смириться с существующим на данный момент положением дел, когда у руля стоял Толмачев. Предстоящая встреча с группой меня взволновала. Конечно, я с удовольствием со всеми повидаюсь, только вот перспектива увидеться с самим Лицкявичусом что-то не вдохновляла. В последние месяцы я ощущала спокойствие и уверенность, и чувства, пробуждаемые во мне бывшим шефом, теперь казались придуманными. Эта мысль приносила умиротворение, и я вновь была счастлива оттого, что нахожусь рядом с Шиловым. Мне здорово повезло найти такого редкого человека, как мой муж, а все беспокойства и сомнения исчезли. Морально я не была готова к тому, чтобы встречаться с группой, однако совесть призывала посетить собрание, так как зря меня приглашать бы не стали.

Без десяти семь я уже прибыла на место. Надо сказать, это для меня настоящий рекорд: никогда и никуда не прихожу вовремя, за исключением операций, и обычно опаздываю как минимум на четверть часа. Те, кто знает об этой моей неприятной особенности, уже привыкли и терпеливо дожидаются; других это раздражает до невозможности, но я ничего не могу с собой поделать – видимо, это карма! Встреча проходила в квартире Лицкявичуса, расположенной в старинном здании на Лиговском проспекте, ведь мы не могли воспользоваться офисом ОМР, хоть он и был «выбит» самим Лицкявичусом и являлся, по сути, его личным кабинетом. Однако теперь его оккупировал Толмачев, а нам пришлось вести себя, словно революционерам, собирающимся на конспиративной квартире и готовящим заговор. В том, что заговор и в самом деле готовится, я не сомневалась, вот только все гадала, какой путь изберут для свержения Толмачева – убийство или все-таки более щадящий способ?

Никита, Вика и Павел Кобзев оказались уже там, и мы тепло поздоровались. Кроме них, я заметила двоих незнакомых мне людей – мужчину с редющей шевелюрой и молодого человека с очень светлыми волосами, сильно контрастирующими с миндалевидными темно-кариими глазами. Лицкявичус выглядел превосходно, словно только что вернулся с курорта – впрочем, так оно, в сущности, и было, ведь я знала, что он совсем недавно прилетел из Египта. Правда, он там не отдыхал, а пытался наладить работу нового отделения реконструкционной хирургии в центральной александрийской больнице. Леонид пришел вовремя, точный, как кремлевские куранты, и Лицкявичус, приняв свою излюбленную позу, прислонившись к столу, и скрестив руки на груди, начал совещание. На мгновение мне почудилось, что время повернулось вспять и всего того, что произошло между операцией главы ОМР и сегодняшним днем, просто не было.

– Рад вас всех приветствовать, – сказал Лицкявичус, обводя нас удовлетворенным взглядом полководца, которому удалось собрать хорошее войско для наступления. – И хочу поблагодарить каждого за то, что оторвались от своих дел и нашли возможным прийти. Поверьте, я ни за что не стал бы вас собирать, если бы не чрезвычайные обстоятельства!

Начало звучало зловеще, и мне показалось, будто по комнате пронесся холодок, пошевелив волосы у меня на затылке.

– Разрешите представить Лаврентия Петровича Рыжова, профессора кафедры вирусологии и иммунологии Первого медицинского университета, и Александра Карелина, входящего в группу ученых, экстренно сформированную для борьбы с надвигающейся эпидемией гриппа.

– Что, всем ученым столько же лет, сколько и... вот ему? – недоверчиво поинтересовался Леонид, кивнув в сторону молодого человека.

– Пусть вас не смущает возраст моего юного коллеги, – вступился за него профессор. – Поверьте, он вполне достоин того, чтобы заниматься серьезной работой...

– Да мы и не сомневаемся, Лаврик! – усмехнулся сквозь густые усы Павел. – Раз уж ты ему доверяешь, то с какой стати мы стали бы возражать?

Я так поняла, что Кобзев и Лицкявичус неплохо знакомы с Рыжовым – это радует, так как я недоверчиво отношусь к присутствию чужаков в нашем тесном кругу.

– А почему мы вообще здесь? – поинтересовалась Вика. – Эпидемия гриппа не в компетенции ОМР...

– Лаврентию Петровичу требуется помощь, – ответил Лицкявичус. – Однако, учитывая нежелание господина Толмачева даже пальцем пошевелить без соответствующей директивы сверху, профессор обратился к нам. Думаю, вас не нужно предупреждать о том, что Толмачеву об этой встрече знать не стоит?

Наше молчание говорило о полном согласии с оратором: никому бы и в голову не пришло бежать к нынешнему главе отдела с докладом!

– Но я, пожалуй, умолкаю, – продолжил Лицкявичус, – и пусть сам Лаврентий Петрович расскажет, что нас всех ожидает в ближайшем будущем.

Пока профессор поднимался и шел к столу, который освободил Лицкявичус, я внимательно его разглядывала. Судя по одутловатому лицу и мешкам под глазами, я могла сделать два предположения: либо у ученого проблемы с почками, либо он любит выпить. Невысокий, полный, лысоватый, он совершенно не походил на научное «светило» в моем представлении.

– Понимаю, что вы немного растеряны, – заговорил Рыжов, прислонившись к столу филейной частью – насколько у Лицкявичуса эта поза выглядела элегантно и вальяжно, настолько же неуклюжей казалась у нового выступающего. – Как мне объяснил Андрей... Андрей Эдуардович, – тут же поправился он, бросив виноватый взгляд в сторону Лицкявичуса, – ОМР никогда не имел дела с вирусами. Конечно, это прерогатива соответствующих служб, однако существует несколько проблем, решить которые на данный момент не представляется возможным. Во-первых, мы не уверены, что нам и в самом деле грозит эпидемия в том виде, когда стоит принимать соответствующие меры – с вовлечением структур, в обычное время не задействованных.

– Типа МЧС? – спросил Никита, нахмурившись.

Рыжов кивнул.

– Кроме того, – продолжал он, – начальство всех уровней не заинтересовано в принятии таких мер.

– Поэтому к вам и приставили Толмачева? – вырвалось у меня.

– Полагаю, да, – согласился вирусолог. – Им бы понравилось, чтобы все, как говорится, «обошлось»!

– Пока гром не грянет... – пробормотал Леонид, устремив в окно отсутствующий взгляд, словно ему хотелось оказаться подальше от этой дискуссии. Внешнее безразличие не могло обмануть никого из нас, хорошо изучивших повадки странноватого патологоанатома: если уж он счел нужным вставить словечко, это означало заинтересованность.

– Так тебя, выходит, пригласили, чтобы ты подтвердил, что «в Багдаде все спокойно»? – уточнил Павел.

– Теперь я тоже так считаю, – вздохнул Рыжов. – Но беда в том, что, кажется, я не смогу выполнить возложенную на меня миссию. Когда мы начинали работу, дело выглядело на пять копеек, зато теперь...

– Да ты объясни популярно! – воскликнул Лицкявичус.

Было очевидно, что говорить Рыжов не привык. В отличие от Павла Кобзева или того же профессора Кармина, который являлся прирожденным оратором и умел увлечь аудиторию буквально с первых минут лекции, вирусолог испытывал трудности в донесении сути дела до слушателей.

– Хорошо, – снова вздохнул он, собираясь с мыслями. – Итак, никто не сомневался, что надвигается очередная эпидемия гриппа – ежегодно мы имеем две, а то и три волны, поэтому в целом здравоохранение готово к принятию мер. Однако смертность в этот раз оказалась слишком

ком высокой, поэтому возникла необходимость тщательно исследовать вирус, приводящий к летальному исходу.

– От чего умирают люди? – спросила я. – Не от самого же гриппа?

– Разумеется, нет – от пневмонии, причем развивается она в очень короткие сроки. Сейчас мы пытаемся найти соответствия проб, взятых у умерших пациентов и у тех, кто еще жив и находится в критическом состоянии, но уже сейчас есть подозрение, что мы имеем дело с видом A/H1N1.

– Черт! – выругался Лицкявичус. – С другой стороны, это ведь не впервые?

– Верно, однако проблема в том, что, как тебе наверняка известно, A/H1N1 содержит сто три уникальных генетических изменения, на которые у человека пока не выработан иммунитет, – можно сказать, что это старый вирус в новом обличье. Последний известный штамм вируса впервые был выделен в Калифорнии, и потому его полное название – A/California/04/2009 (A/H1N1).

– Паша, что ты все время пишешь, а? – раздраженно поинтересовался Лицкявичус, глядя на Кобзева. Тот и в самом деле не переставая строчил в своем «склерознике» остро заточенным карандашом. Профессия обязывает психиатра вести четкие записи, но Павел переносил эту привычку и в обычную жизнь. Прежде чем Кобзев успел ответить, молодой парень, приведенный Рыжовым, вдруг изрек вполголоса:

– Qui scribit, bis legis! (Кто пишет, тот дважды читает!)

– Ex oribus parvulorum (Устами младенцев), – тут же среагировал Рыжов.

– Вот именно! – обрадовался Павел неожиданной поддержке. – А вдруг потом понадобится?

– Думаю, все, что нам может понадобиться, уже имеется в печатном виде, и тебе не придется расшифровывать свою скоропись, – резонно заметил Лицкявичус. – Правда же, Лаврентий Петрович?

– Э-э... – замялся профессор, беспомощно оглядывая присутствующих.

– Вот! – назидательно поднял вверх указательный палец Кобзев. – Так что, если не возражаете... Продолжай, Лаврентий, мы – все внимание!

– О чем я говорил? Ах да... Удивительным является тот факт, что шесть из одиннадцати известных на данный момент жертв гриппа умерли в одной и той же больнице... – Рыжов покопался в карманах и извлек из одного из них изрядно помятый листок, вырванный из тетради в клетку. – В городской больнице номер...

– В моей больнице? – не поверила я. Да, Добров говорил, что кто-то уже скончался, но я не думала, что их так много!

– А остальные? – спросил Никита.

– Умерли дома. Лечились от острой респираторной инфекции при помощи арбидола и прочей ерунды.

– Ну, обычно это помогает! – снова подал голос Леонид. – Как насчет симптомов?

– Поначалу как у простого гриппа: повышенная температура, покраснение слизистой горла и глаз, головная боль, ломота в суставах. На следующий день может появиться сухой кашель. По идее, где-то на третий день температура должна снизиться до субфебрильной, то бишь до тридцати семи с небольшим. На седьмой или в крайнем случае на десятый день пациент выздоравливает. Однако в нашем случае развивается пневмония, нередко – легочное кровоотечение. Летальный исход наступает чаще всего на двенадцатый день болезни, обычно от осложнений со стороны органов дыхания, а при молниеносной форме – уже на вторые или третьи сутки.

– А инкубационный период?

– Обычно от двух дней до недели. Что примечательно, все умершие – взрослые люди от двадцати пяти до пятидесяти лет, вполне здоровые физически. То есть, если обычный вирус

гриппа охватывает сначала самых больных и слабых – детей и стариков, этот почему-то гораздо серьезнее воздействует на сильных и молодых.

– Что-то мне это напоминает... – пробормотал Лицкявичус задумчиво.

– Эпидемию «испанки»? – предположил Кадреску. Несмотря на то что патологоанатом и бывший глава ОМР являются полными антиподами друг другу как внешне, так и по характеру, в плане интеллекта у них больше точек соприкосновения, чем у всех нас, вместе взятых.

– Вы оба правы, – согласился Рыжов. – Не хотелось бы так думать, однако на данный момент все указывает на это.

– Значит, не свиной грипп, а все-таки птичий? – снова задал вопрос Леонид. – Как и в восемнадцатом году?

Из учебников я знала, что пандемия «испанки» прокатилась по Европе в тысяча девятьсот восемнадцатом-двадцатом годах и стала самой страшной в современной истории человечества. Тогда от гриппа погибло свыше двадцати миллионов человек, однако этим мои познания, пожалуй, и ограничивались.

– Похоже на то, – кивнул Рыжов. – И, если окажется, что мы правы, нам грозят большие проблемы. То, что мы имеем сейчас, – лишь капля в море, но она может превратиться в такой водопад, что мы не успеем ставить дамбы!

– Всегда хотела узнать, почему тот вирус называли «испанкой» – потому что он появился в Испании? – поинтересовалась Вика. Я подумала, что ее любознательность сейчас слегка не к месту, но Рыжов, очевидно, так не считал.

– На самом деле, – сказал он, – родиной «испанки» была Америка, но власти США сумели скрыть факт эпидемии.

– Господи, да как такое вообще можно скрыть? – удивился Никита.

– Первая волна не была масштабной и прошла практически незамеченной, – продолжал ученый. – Из Америки гнойный бронхит нелегально перебрался в Европу вместе с американскими войсками, участвовавшими в Первой мировой войне. Сначала больные появились во Франции, в стоявших там американских и английских войсках. Потом эпидемия прокатилась по Швейцарии, Испании, Англии и Сербии, дошла до Польши, Швеции и Германии, впоследствии добралась до Африки и Индии, а осенью восемнадцатого пандемия вспыхнула в России и на Украине. Пандемия характеризовалась высоким процентом смертности и серьезными сопутствующими легочными явлениями и кровохарканием, благодаря которым заболевание напоминало легочную чуму. Люди слабели на глазах и в течение нескольких часов уже не могли ходить. Симптомы, включая синюшность лица и кровавый кашель, вызывались быстрым поражением легких. На более поздних стадиях болезни вирус приводил к внутрилегочному кровотечению. Быструю смерть вызывала прямая пневмония, обусловленная самим вирусом «испанки». При затяжном течении болезнь включала в себя вторичную бактериальную пневмонию, а в некоторых случаях также нервное расстройство, которое могло привести к психическим изменениям. Этот вирус был крайне опасен, так как из-за его «новизны» человек не мог иметь на него иммунитета.

– Погодите, но ведь теперь от «испанки» существует вакцина, разве нет? – спросила я.

– Против нового штамма гриппа А/Н1N1 созданы четыре вакцины, которые в настоящее время прошли клинические испытания, однако мы пока не уверены, что столкнулись именно с «испанкой», – это раз. Два – новый штамм может оказаться принципиально другим, и существующая вакцина нам ничем не поможет. В-третьих... Вы в курсе, что возможность исследовать вирус появилась совсем недавно и не у нас?

Я отрицательно мотнула головой.

– О, это настоящий триллер, если можно так выразиться! В феврале девяносто восьмого года подразделение молекулярной патологии Института патологии армии США получило образцы вируса «испанки», извлеченные из тела коренной жительницы Аляски, зарытого неда-

леко от селения Бреви́г Мишн и пролежавшего в вечной мерзлоте почти восемьдесят лет! Эти образцы, а также препараты из архива института позволили ученым восстановить генную структуру вируса восемнадцатого года. В две тысячи втором году американские ученые реконструировали вирус «испанского» гриппа и в ходе эксперимента создали вирус, содержащий два гена вируса восемнадцатого года. Смертность лабораторных мышей от него была значительно выше, чем от вирусов, сконструированных на основе современных разновидностей гриппа. Оказалось, это вирус подтипа H1N1, который возник в результате серии мутаций в генах вируса птичьего гриппа, сопровождающих его адаптацию к человеческому организму. Эксперименты проводились в лаборатории Министерства сельского хозяйства в штате Джорджия.

– Так как же он попал к нам? – спросил Никита.

– Вот в том-то все и дело! – развел руками Рыжов. – За этим мне и нужен ОМР... вернее, вы, потому что Толмачева просить о помощи бессмысленно. Нужно выяснить, с кого все началось, то есть кто стал первой жертвой вируса. Я не могу привлечь полицию, так как не имею соответствующих полномочий, да и вряд ли они согласились бы заниматься поисками первой жертвы эпидемии гриппа, не зная, зачем это делают. Комитет по здравоохранению предпочитает делать вид, что прямой угрозы не существует. В общем, Андрей Эдуардович сказал, что вы можете оказать посильное содействие, пока мы будем выяснять, с каким именно штаммом имеем дело. Причем работать надо быстро, ведь в случае распространения эпидемии последствия могут стать колоссальными!

– А как насчет введения карантина? – задал вопрос Павел. – Я, конечно, невежда в этом вопросе, но, по-моему, как раз для таких случаев данная мера и существует?

– Соблюдать карантин по гриппу крайне сложно. У нас есть пример все той же пандемии «испанки». Тогда многие города, штаты и целые страны объявляли карантин в попытке остановить распространение пандемии. Общественные места были закрыты более года, некоторые населенные пункты даже выставляли вооруженные кордоны и не пропускали ни одного человека. Однако даже в местах, где смертность была невысокой, заболевших все равно оказалось так много, что повседневная жизнь замерла. Это связано с немыслимой скоростью распространения болезни: для сравнения, СПИД убил двадцать пять миллионов за четверть века, а «испанский» грипп убил столько же за двадцать пять недель начиная с сентября восемнадцатого года! Пока волна нас еще не накрыла, и я надеюсь, что не прав и все обойдется малой кровью.

– А если ты прав, – заговорил Лицкявичус, поднимая глаза, – то мы окажемся в большой... Кстати, как обстоят дела в других местах – в Москве, например?

– У меня нет таких сведений, – покачал головой Рыжов. – Вполне возможно, что источник первоначального заражения появился именно в Питере, – должна же эпидемия где-то брать свое начало? В любом случае в вашу задачу входит поиск, так сказать, «предтечи» – того самого, единственного, человека, с которого все и началось. Как думаете, справитесь?

– Постараемся, – ответил за всех Лицкявичус. – Ведь Толмачев, похоже, не оставил нам выхода?

– *Dimidium facti, qui coepit, habet!* (Начало – половина дела!) – пробормотал примостившийся в углу и до сих пор молчаливый Александр.

– Это да, – согласился Рыжов, – однако *fugit irrevocabile tempus!*

– «Бежит невозвратное время», – машинально перевела Вика, удивленно переводя взгляд с пожилого ученого на молодого. Еще некоторое время мы потратили на распределение обязанностей, после чего стали постепенно расходиться. Последними уходили я и Вика, обещавшая подбросить меня до дома. У двери она обернулась к провожавшему нас Лицкявичусу и спросила:

– Андрей Эдуардович, а что это было – ну, латынь эта вся?

– Ты имеешь в виду афоризмы, которыми перебрасывались Рыжов и «вундеркинд»? Так это у Лаврентия еще с академических времен пунктик такой: он знал латынь, как никто другой, и всегда любил латинские изречения – заучивал наизусть, а потом выводил нас с утра до вечера! Видимо, парень тоже от него «заразился».

* * *

– Что тебе известно об «испанке», Шилов? – спросила я во время ужина.
– О какой испанке? – уточнил он.
– Брось, Шилов! – огрызнулась я. – Об «испанском» гриппе, естественно!
– Ну почему же – «естественно»? А касательно твоего вопроса... Что именно ты хочешь узнать?

– Да что угодно!
– Даже не знаю, с чего начать! Перво-наперво на ум приходит Вера Холодная...
– Почему холодная?
– Эх ты, Сократ мой...

Терпеть не могу, когда Шилов так меня называет! Сократ был древнегреческим философом, одним из родоначальников диалектики (этим знанием, кстати, я тоже обязана мужу), и когда Олег называет меня его именем, это обычно означает то, что среднестатистический мужчина подразумевает под народным словом «дура». Но Шилов, конечно, вне статистики, а уж тем более – усредненной статистики, поэтому и обижаться на него смысла не имеет.

– Вера Холодная была известной актрисой. Знаешь, ее называли королевой немого кино!
– Я не фанатка этого жанра, Шилов!
– Я тоже, но есть вещи, которые следует знать каждому, кто считает себя культурным человеком.

– Расслабься, я вовсе не считаю себя таковой! Так почему же все-таки тебе на ум приходит Холодная?

– Она стала одной из жертв «испанки». Несмотря на революцию и Гражданскую войну, она снялась в большом количестве фильмов и, можно сказать, была первой в России киноактрисой, получившей статус «звезды». В Одессе, оккупированной французскими войсками, Вера Холодная выступала в благотворительных концертах, исполняя старинные романсы. На одном из таких концертов она простудилась, и врачи диагностировали «испанку». Вирусный грипп в то время как раз свирепствовал в Одессе, а лечить болезнь в те годы еще не умели. Вере Холодной было двадцать шесть лет, когда она умерла. Помнишь такие стихи:

Ваши пальцы пахнут ладаном,
На устах у вас печаль.
Ничего теперь не надо вам,
Никого теперь не жаль?

– Что-то знакомое... – пробормотала я.

– Это романс Александра Вертинского – он был влюблен в Веру Холодную. А почему ты вообще об этом заговорила?

Я не собиралась вдаваться в подробности до того, по крайней мере, пока сама не разберусь, что к чему. И уж тем более мне не хотелось рассказывать Шилову о своей встрече с Лицкявичусом – с некоторых пор его имя стало в нашем маленьком семействе своего рода табу, и ни один из нас не поминал его всуе, словно имена бога и дьявола.

– Сейчас же вирус гриппа гуляет, припоминаешь? – уклончиво ответила я.

– Ага, – мгновенно помрачнел муж. – Я тут случайно узнал, что официальную статистику о заболевших в нашей больнице решено больше не разглашать – это плохой знак. Кстати, ты прививку сделала, наконец?

– Справку показать?

– Ты ее опять у Ленки Усмановой выпросила, да? Ох, Агния, гляди у меня...

– Хорошо, – не желая поддерживать разговор на эту тему, перебила я, – а помимо Веры Холодной у тебя есть еще информация или мне опять лезть в Интернет?

– Нет уж, а то тебя потом оттуда часа два не выцарапаешь... Ладно, еще я знаю, что вирус А/Н1N1 содержит больше ста уникальных генетических изменений, на которые у человека пока не выработан иммунитет. На его счету несколько эпидемий гриппа, однако, как убеждает нас Всемирная организация здравоохранения, сейчас в большинстве случаев заболевание протекает в легкой степени.

– Ты в курсе, что в нашей больнице проводили вакцинацию?

– Так каждый год проводят! – пожал плечами Шилов. – Только в этом году какая-то неувязочка вышла с вакцинами...

– Какая такая «неувязочка»? – насторожилась я.

– На одном из совещаний что-то об этом говорили, но я толком не помню... Вроде бы сначала планировали закупить вакцину у какой-то одной фирмы, но в последний момент решили в пользу другой. Я только знаю, что правительство выделило четыре или пять миллиардов на закупку вакцины от нового штамма. Представляешь, как на этом можно нажиться?

– Да уж, – вздохнула я, – в нашей стране деньги размазываются по большой территории, и, думаю, процентов семьдесят оседает на «волосатых» лапах... Помнишь мультик про Маленького Мука?

– Ты это к чему?

– Да там Маленький Мук бежал кросс с главным атлетом султана.

– Ну?

– Султан достал пять золотых монет и приказал визирю передать их победившему. Так вот, визирь отсчитал себе две монеты и пустил три дальше; следующий по рангу взял себе одну... В результате Маленький Мук получил только одну монету из пяти, дарованных султаном. А сколько вакцины можно списать за ненадобностью, потому что народ, видите ли, не желает прививаться?

– Как ты, к примеру?

– Да ладно тебе, Шилов, не доставай меня, а то будешь спать на кушетке!

– Это моя квартира! – парировал он.

– Отлично: отдай деньги за ремонт и обстановку и можешь забирать ее себе! Кстати, я сама могу отодрать обои и кафель...

– Как думаешь, то, что ты сегодня не в духе, повлияет на нашу сексуальную жизнь? – внезапно спросил Олег, и я осеклась.

– Хочешь проверить?

– Не мешало бы!

* * *

Одно дело сказать, что необходимо найти первого заболевшего, другое – сделать это. Для начала я проверила всех, кого доставляли через приемный покой по «Скорой», и тех, кто пришел своими ногами. Разумеется, начинать следовало с людей с явными симптомами гриппа, а также с затрудненным дыханием или даже легочным кровотечением. Двоих таких мне обнаружить удалось, но они уже благополучно лежали в нашем инфекционном корпусе. В любом случае, судя по тому, когда участились смертные случаи, эти двое никак не могли стать источ-

никами заражения, так как к моменту их поступления в больницу от осложнений гриппа уже умер один пациент. Значит, следовало искать среди тех, кто поступил с другими жалобами, но впоследствии проявил соответствующие симптомы. Для этого необходимо было опросить персонал всех отделений, и у меня заранее голова шла кругом при мысли о том, сколько времени при этом придется потерять. Тем не менее спустя двое суток у меня в руках оказался не слишком длинный список больных, которые могли стать первыми жертвами нового штамма. Я передала список Лицкявичусу через Вику, заехавшую в конце рабочего дня, и поинтересовалась, как идут дела.

– Да не очень, – сморщила курносый носик девушка. – Умерли еще восемь человек – предположительно от того же самого, что и несколько первых. Теперь дело не только в вашей больнице: боткинцы больше не принимают, и все другие инфекционные отделения забиты до отказа. Еще немного, и в городе начнется паника: в новостях мелькнул сюжет о «смертельном вирусе», а журналисты здорово умеют раздувать скандалы! Я вообще с трудом понимаю, как в наше время человек может умереть от гриппа – это же не чума и не оспа!

– Не от гриппа, Викусь, а от пневмонии...

– Все равно! – перебила она меня. – Мы ведь не в шестнадцатом веке живем, в конце-то концов!

– Понимаешь, – задумчиво ответила я, – видимо, весть об очередной эпидемии гриппа сейчас сослужила людям плохую службу.

– Как это?

– Ну, все готовы к тому, что могут заболеть, запасаются лекарствами, которые обычно пьют от этого вируса, а они не помогают. Если новый штамм на самом деле существует и пневмония может развиваться в течение одних-двух суток, то они просто могут опоздать с лечением, вот в чем дело!

– Андрей Эдуардович с Никитой проверяют и другие больницы, где есть смертные случаи, ведь не факт, что все началось именно у вас, но им тяжело приходится.

– Почему?

– Да потому, что полномочий ОМР у них нет! Хорошо, что у Андрея Эдуардовича много знакомых, и то им приходится шифроваться, ведь они не могут рассказывать, почему интересуются заболевшими.

– А как насчет Рыжова и его суперкоманды? – поинтересовалась я.

– Пока молчат, – покачала она головой. – Они странные, эти ребята-вирусологи: ничего не говорят, все на профессора кивают – у него, мол, спрашивай. А особенно странный этот Саша Карелин...

– Что же в нем такого странного? – удивилась я. Честно говоря, помимо любви к латыни, я не заметила никаких отклонений, но Вику, похоже, парень заинтересовал. Одно время мне казалось, что она крутит романчик с моим сыном, но потом стало ясно, что они относятся друг к другу скорее как брат и сестра. Потом я решила, что Вике нравится Леонид. Ну, здесь ей, правда, ничего не светило, так как Кадреску весьма поверхностен в своих отношениях с противоположным полом. По натуре одиночка, он тщательно оберегает собственное личное пространство. Даже его родители, о существовании которых я тоже узнала совершенно случайно, никогда не понимали собственного сына, так чего уж говорить о посторонней женщине, мечтающей стать частью его жизни? Нет, думаю, не нашлась еще такая, что смогла бы всерьез претендовать на место в сердце Леонида! Поэтому Вике я не завидовала. Но теперь она, видать, всерьез заинтересовалась Александром Карелиным. Что ж, он паренек симпатичный, хотя и кажется немного высокомерным, словно ему известно больше, чем всем остальным, – эх, почему Вика, к которой, видит бог, я отношусь почти как к собственной дочери, не может найти себе парня попроще, без «тараканов» в голове? С Дэном они по-прежнему общаются, Вика частенько забегает поесть домашней пищи, так как ее родители дома бывают редко и не

балуют дочь посиделками за общим столом. Хоть они и любят свое чадо, но в том, что связано с ее воспитанием, доверились Лицкявичусу. Потерпев фиаско с собственной наследницей, он взял под крыло Вику, как в свое время Никиту. Странно порой выходит в жизни: родные по крови люди оказываются безнадежно далеки друг от друга, а чужие становятся по-настоящему близкими... Ну вот, опять мои мысли устремляются к бывшему шефу – просто наваждение какое-то! Может, нужно с ним переспать? Во всяком случае, моя подруга Лариска всерьез считает, что это помогает. «Тащи мужика в постель, – говорит она, – и сразу поймешь, нужен ли он тебе еще на одну ночь!» Однако боюсь, в нашем с Лицкявичусом случае все гораздо сложнее. С другой стороны, может, это и правильно, что мы никогда не получаем того, чего действительно хотим? Мир вращается именно потому, что мы мечтаем достичь недостижимого и наконец успокоиться. Но ведь именно тогда, когда мы успокаиваемся, жизнь останавливается. Полное удовлетворение желаний ведет к угасанию, как говорят китайцы. Или это японцы так говорят? Господи, о чем я вообще думаю?

– Он ведет себя так, будто знает все на свете!

Я непонимающе уставилась на нее, совершенно забыв, что она отвечала на мой же вопрос. С трудом сообразив, что речь идет об Александре Карелине, я сказала:

– Но он ведь и в самом деле смыслит в вирусологии гораздо больше нашего!

– Я, знаете, тоже не пальцем делана и, между прочим, биофак окончила! – обиженно надулась Вика. – А он разговаривает со мной как с недоразвитой!

Что ж, поглядим, чем дело кончится, – обожаю быть свидетельницей развития отношений среди представителей молодежи, особенно когда хотя бы один из этих представителей мне небезразличен.

А вечером, когда я готовила ужин и ждала прихода Шилова, неожиданно позвонил майор Карпухин. Я обрадовалась, услышав в трубке его голос, но одновременно и встревожилась: по какому делу я могла понадобиться следователю по особо важным делам? Пока Лицкявичус стоял у руля ОМР, Карпухин курировал нашу организацию как представитель от органов, но с приходом Толмачева отказался от этой дополнительной обязанности. Я его понимала, но тем более удивительным выглядел его звонок.

– Могу я заскочить минут на двадцать? – спросил майор.

Карпухину нравится у меня дома – вернее, у нас с Шиловым. С тех пор как развелся с женой, майор живет словно кочевник, появляясь в квартире только для того, чтобы поспать. Поэтому неудивительно, что он ценит все атрибуты «настоящей» семьи, и превыше всего уют, включающий занавески на окнах, прибранные постели и запах готовящейся еды. Поэтому я не могла ему отказать и пригласила отужинать. А после позвонил Олег и предупредил, что задержится, поэтому майора мне пришлось принимать в одиночестве.

– Итак, – сказала я, когда он отдал должное супу харчо и салату из морепродуктов, тщательно выковыряв из него маринованные мидии, которые, видимо, посчитал несъедобными, – в чем причина вашего неожиданного визита? У нас неприятности?

– А почему у вас должны быть неприятности, Агния Кирилловна? Или я чего-то не знаю?

Видимо, так оно и есть: Лицкявичус не счел необходимым ставить Карпухина в известность о том, чем попросил нас заняться Рыжов.

– Да нет, это я так просто, – потупилась я под пристальным взглядом гостя. – По старой привычке...

– Тогда понятно, – кивнул он. – У меня к вам один вопросец, Агния Кирилловна. Он касается некоего профессора Кармина...

– Якова Борисовича? – переспросила я с удивлением. – Вы занимаетесь его делом?

– Похоже на то. Значит, вы не отрицаете, что знали о его безвременной кончине?

– А почему я должна это отрицать?

– И вы приходили к сестре Кармина после похорон?

– Маргарита Борисовна сама меня пригласила.

– А вам не кажется странным, что она это сделала? Насколько я понимаю, вы не общались с Кармиными с тех самых пор, как окончили институт?

– Ну, пару раз мы все же встречались, – пожала я плечами, все еще недоумевая, к чему клонит Карпухин. – На вечеринке в честь двадцатилетия окончания меда, а потом, кажется, на юбилее у кого-то из бывших преподав... Погодите-ка, Артем Иванович, почему вы задаете мне все эти вопросы?

– Да вы не волнуйтесь, Агния, я ни в чем вас не подозреваю – это было бы по меньшей мере глупо! Просто мне хочется узнать о Кармине побольше, потому что о нем мало кто может рассказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.